

— ФАНТАСТИКА —
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

РОБЕРТ СИЛВЕРБЕРГ

ВНИЗ, В ЗЕМЛЮ
ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

Фантастика: классика и современность

Роберт Силверберг

Вниз, в землю. Время перемен

«Издательство АСТ»

1969, 1970, 1971

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Силверберг Р.

Вниз, в землю. Время перемен / Р. Силверберг — «Издательство АСТ», 1969, 1970, 1971 — (Фантастика: классика и современность)

ISBN 978-5-17-136012-2

«Вниз, в землю». Эдмунд Гандерсен после долгих лет отсутствия возвращается на планету Белзагор, где когда-то работал. Сейчас контроль над планетой возвращен ее коренным жителям – слоноподобным нилдорам, а землян здесь осталось совсем мало. Гандерсен, мучимый раскаянием за нанесенные нилдорам увечья, намерен отправиться вместе с ними в Северные земли ради тайного ритуала «второго рождения», обновляющего дух и тело. Никто из жителей Земли никогда такого не делал, и Гандерсен пребывает в сомнениях, не приведет ли его решение к роковым последствиям...

«Время перемен». Киннал Даривал – отпрыск правящей династии, после прихода к власти старшего брата принявший решение бежать из страны. В результате череды приключений он обретает новый дом, становится богатым и уважаемым человеком, но налаженная жизнь дает трещину в один день, когда он встречает торговца с далекой легендарной Земли. Искушая Киннала новой истиной, подрывающей существующий строй, мятежный землянин ставит его вне закона... В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-136012-2

© Силверберг Р., 1969, 1970, 1971
© Издательство АСТ, 1969, 1970, 1971

Содержание

Вниз, в землю	7
Глава первая	7
Глава вторая	11
Глава третья	17
Глава четвертая	25
Глава пятая	30
Глава шестая	35
Глава седьмая	42
Глава восьмая	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Роберт Силверберг

Вниз, в землю. Время перемен

Серия «Фантастика: классика и современность»

Robert Silverberg

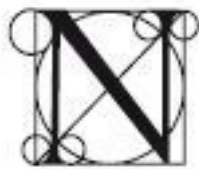
DOWNWARD TO THE EARTH A TIME OF CHANGES

Перевод с английского *К. Плешкова* («Вниз, в землю»), *Н. Виленской* («Время перемен»)

Художник *С. Неживясов*

Печатается с разрешения литературных агентств The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

© Agberg, Ltd, 1969, 1970, 1971

© Перевод. К. Плешков, 2022

© Перевод. Н. Виленская, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Вниз, в землю

Кто знает: дух сынов человеческих восходит ли вверх, и дух животных сходит ли вниз, в землю?
Екклезиаст 3:21

Глава первая

И все-таки он вернулся на Мир Холмана. Почему – он не мог бы с уверенностью ответить. Может быть, его неумолимо влекла туда какая-то неведомая сила, может быть, прежние чувства, а может быть, просто глупость. Гандерсен никогда не собирался вновь посетить эту планету и тем не менее оказался здесь. Он ждал посадки. Прямо за иллюминатором – казалось, можно дотянуться рукой – лежал мир чуть побольше Земли, мир, который отнял у него лучшее десятилетие жизни, мир, где он узнал о себе то, чего предпочел бы не знать. Замигала красная лампочка. Корабль скоро пойдет на посадку. И все же вопреки всему он вернулся.

Гандерсен смотрел на саван облаков, простиравшийся над зоной умеренного климата, на большие расплзающиеся ледяные шапки, на извивающийся синей лентой пояс тропиков и вспоминал о поездках через Море Песка в ослепительном блеске рассветного светила, о том, как плыл по молчаливой черной реке под балдахином дрожащих листьев, остроконечных, как стилеты, о золотистых коктейлях на веранде станции в джунглях в Ночь Пяти Лун, когда рядом сидела Сина, а в зарослях ревело стадо нилдоров. Это было давно. Теперь нилдоры снова стали хозяевами Мира Холмана. Гандерсену трудно было с этим примириться. А может быть, именно поэтому он и вернулся – чтобы увидеть, чего сумели добиться нилдоры.

– Вниманию пассажиров, – раздался голос из громкоговорителя. – Через пятнадцать минут мы выйдем на орбиту Белзагора. Просим занять свои места, застегнуть предохранительные сетки и подготовиться к посадке.

Белзагор. Так теперь называлась эта планета. Местное название, собственное слово нилдоров. У Гандерсена оно вызывало какие-то ассоциации с ассирийской мифологией. Естественно, это было «облагороженное» произношение, у нилдоров оно звучало примерно как «Блзгрр». Значит, Белзагор. Так он и будет называть эту планету, раз она теперь носит это имя и раз от него этого ожидают. Он всегда старался не обижать инопланетные существа без необходимости.

– Белзагор, – сказал он. – В этих звуках есть что-то необычное, верно? Их приятно выговаривать.

Пара туристов, сидевшая рядом с ним, охотно согласилась, – они поддакивали всему, что говорил Гандерсен. Муж – полноватый, бледный, чересчур изысканно одетый – добавил:

– Когда вы были здесь в последний раз, она называлась Мир Холмана, если не ошибаюсь?

– О да, – ответил Гандерсен. – Но это было в старые добрые имперские времена, когда землянин мог назвать любую планету, как ему заблагорассудится. Теперь этому пришел конец.

Жена туриста плотно сжала губы, так что они превратились в тонкую, жалостливую полоску. Гандерсен испытывал некое извращенное удовольствие в том, чтобы ей надоедать. В течение всего полета он разыгрывал перед этими туристами роль героя из романа Киплинга, изображая бывшего колониального чиновника, который едет посмотреть, что успели натворить предоставленные самим себе туземцы; это не вполне отражало его истинные намерения, но порой неплохо было носить маску.

Туристы – их было восемь – смотрели на него со смешанным чувством благоговейного трепета и презрения, когда он гордо расхаживал среди них – высокий, загорелый человек, на

черты которого наложили отпечаток годы, проведенные вне Земли. Он им не нравился, и в то же время они знали, что он страдал и тяжело трудился под чужим солнцем – в этом было нечто романтическое.

– Вы остановитесь в гостинице? – спросил муж-турист.

– О, нет. Я еду прямо в джунгли, в сторону Страны Туманов. Вон, видите это скопление облаков в северном полушарии? Очень крутой температурный режим – тропики и арктика практически рядом. Туман. Дождь. Вас повезут туда на экскурсию. У меня, к сожалению, дела.

– Дела? Я думал, что получившие независимость миры остаются вне сферы экономических связей, что...

– Это не торговые дела, – сказал Гандерсен. – Сугубо личные. Кое-что из того, что я не успел закончить во время пребывания здесь по делам службы.

Красная лампочка снова замигала, на этот раз ярче. Он пошел в каюту, чтобы приготовиться к посадке. Его окутала напоминавшая паутину ткань. Он закрыл глаза и ощутил толчок – включились тормозные двигатели. Корабль опускался на поверхность планеты, а Гандерсен покачивался в предохранительной сетке, защищенный от неприятных последствий изменения силы тяжести.

Единственный космопорт на Белзагоре, построенный землянами более ста лет тому назад, располагался в тропиках, возле устья большой реки, впадавшей в единственный на Белзагоре океан. Река Медлен, океан Бенджамини – Гандерсен не знал нилдорских названий. Космопорт, к счастью, был на полном самообслуживании. Автоматические устройства управляли радиомаяком, а также поддерживали в порядке посадочную площадку и защищали космопорт от вторжения окружающих джунглей. Трудно ожидать от нилдоров, чтобы они обслуживали космопорт, а держать здесь команду землян было невозможно. Гандерсен знал, что на Белзагоре остались еще около ста землян – даже после того, как все были отозваны с планеты, – но они не обладали достаточной для этого квалификацией. Кроме того, действовал закон, на основании которого все административные функции должны были исполняться нилдорами – или не исполняться вообще.

Корабль сел. Коконь из ткани-паутины развернулись, и пассажиры вышли наружу.

В воздухе висел тяжелый запах тропиков: илистой почвы, гниющих листьев, помета диких животных и маслянистых цветов. Был ранний вечер, на небе уже появились две луны. Как всегда, собирался дождь; влажность приближалась к девяноста девяти процентам, но вероятность сильного ливня в этой тропической зоне была невелика; вода просто оседала на всем окружающем в виде капель.

За деревьями халлигалли, окружавшими космопорт, сверкнула молния. Стюардесса наблюдала за девятью пассажирами, вышедшими из корабля.

– Прошу за мной, – сказала она и повела их в сторону единственного здания.

Слева из зарослей появились три нилдора и с любопытством стали рассматривать прилетевших. Изумленные туристы показывали на них пальцами.

– Смотри! Видишь? Совсем как слоны! Это те самые нили... нилдоры?

– Да, нилдоры, – сказал Гандерсен.

Над поляной чувствовался резкий запах животных. Судя по величине бивней, это были самец и две самки. Все примерно одного и того же роста: более трех метров, с темно-зеленой кожей, характерной для нилдоров из западного полушария. Глаза величиной с тарелку с ленивым любопытством уставились на Гандерсена. Стоявшая впереди самка с короткими бивнями подняла хвост и спокойно вывалила гору дымящегося пурпурного помета. До Гандерсена донеслись низкие, неясные звуки, но с этого расстояния он не мог понять, что говорят нилдоры. «Не может быть, чтобы они обслуживали космопорт, – подумал он. – Не может быть, чтобы они правили планетой. Однако это именно так».

В здании космопорта никого не было. Несколько роботов ремонтировали стену в дальнем конце здания, где серые пластиковые плиты начали разрушаться – вероятно, под ними завелись какие-то споры. Рано или поздно этой частью планеты завладеют джунгли, и все развалится. Деятельность роботов была единственной видимой работой. Таможни или чего-то подобного не существовало. Нилдоры – не бюрократы, их не интересует, кто и что с собой привозит. Девять пассажиров прошли таможенный контроль перед полетом – на Земле уделялось внимание, и притом значительное, тому, что вывозится на малоразвитые планеты. Не было также ни паспортного контроля, ни пункта обмена валюты, даже киосков с газетами и прочих удобств для пассажиров. Собственно, это был большой пустой ангар, в котором в давние колониальные времена, когда Мир Холмана принадлежал Земле, кипела жизнь. Гандерсену казалось, что вокруг появились призраки тех далеких дней: фигуры в тропических костюмах цвета хаки, передающие разные поручения, чиновники, погруженные в счета и бумаги, техники, крутящиеся возле компьютеров, носильщики-нилдоры, нагруженные экспортными товарами.

Теперь здесь было мертво и тихо. В пустоте отдавался эхом лишь шум ремонтных роботов.

– Сейчас должен прибыть гид. Он отвезет вас в гостиницу, – сообщила стюардесса.

Гандерсен тоже собирался остановиться в гостинице, но только на одну ночь, надеясь, что утром найдет себе какое-нибудь транспортное средство. У него не было определенных планов относительно путешествия на север; он рассматривал его как импровизацию, погружение в собственное прошлое.

– Этот гид – нилдор? – спросил он у стюардессы.

– Вы имеете в виду туземца? О нет, мистер Гандерсен, это землянин, она перелистала пачку отпечатанных на машинке страниц. – Его зовут Ван Бенекер, и он должен быть здесь по крайней мере за полчаса до посадки, так что я не понимаю, почему...

– Ван Бенекер никогда не отличался пунктуальностью, – заметил Гандерсен. – А вот и он.

В открытые двери здания въехал старый ржавый вездеход, и из него вышел низенький рыжий человечек в помятой форме и высоких сапогах, какими пользовались в джунглях. Сквозь пряди редющих волос просвечивала загорелая лысая макушка. Он вошел в здание, огляделся и заморгал.

– Ван! – крикнул Гандерсен. – Иди сюда, Ван. Человечек подошел ближе и поспешно сказал:

– Добро пожаловать на Белзагор, как теперь называется Мир Холмана. Меня зовут Ван Бенекер. Я постараюсь показать вам на этой увлекательной планете все, что разрешено законом, и...

– Привет, Ван, – прервал его Гандерсен.

Гид замолчал, явно недовольный тем, что его перебили. Он заморгал, посмотрел на Гандерсена и наконец спросил, явно не веря своим глазам:

– Мистер Гандерсен???

– Просто Гандерсен. Я больше не твой начальник.

– Боже мой, мистер Гандерсен... Боже мой, вы приехали сюда на экскурсию?

– Не совсем. Я приехал немного прогуляться в одиночестве.

– Извините, – обратился Ван Бенекер к группе и подошел к стюардессе: – Все в порядке, можете мне их передать. Беру ответственность на себя. Все здесь? Раз, два, три... восемь. Все сходится. Багаж можно поставить здесь, около вездехода. Подождите немного, я сейчас вернусь.

Он дернул Гандерсена за локоть.

– Отойдем в сторону, мистер Гандерсен. Вы понятия не имеете, как я удивлен. Боже мой!

– Как дела, Ван?

– Паршиво. Как еще может быть на этой планете? В каком году вы отсюда уехали?

– В 2240-м. Через год после того, как мы выпустили эту планету из рук. Восемь лет назад.
– Восемь лет. И чем вы занимаетесь?
– Министерство Внутренних Дел нашло мне работу, – ответил Гандерсен. Я очень занят. Сейчас я получил год отпуска, который давно уже мне полагался.

– И вы хотите провести его здесь?

– Почему бы и нет?

– Зачем?

– Я отправляюсь в Страну Туманов, – ответил Гандерсен. – Хочу навестить сулидоров.

– Лучше не делайте этого. Зачем это вам?

– Чтобы удовлетворить свое любопытство.

– Та же проблема с каждым, кто сюда приезжает. Но вы же знаете, мистер Гандерсен, сколько народу туда отправилось и никогда больше не вернулось. Ван Бенекер рассмеялся. – Вы же не будете утверждать, что проделали такой путь только ради того, чтобы потереться носами с сулидорами? Готов поспорить, что у вас есть какие-то другие причины.

Гандерсен пропустил его слова мимо ушей.

– Чем ты теперь занимаешься, Ван? – спросил он.

– В основном вожу туристов. Каждый год у нас бывает по девять-десять групп. Я везу их вдоль берега океана, потом показываю кусочек Страны Туманов, и мы совершаем прыжок через Море Песка. Приятный и не слишком утомительный маршрут.

– Гм...

– А все остальное время я развлекаюсь. Иногда поболтаю с нилдорами, иногда навещу друзей на станциях в джунглях. Вы их всех знаете: это те, кто остался здесь еще со старых времен.

– А что с Синой Ройс? – спросил Гандерсен.

– Она живет у Водопадов Шангри-Ла.

– Она все такая же красивая?

– Ей так кажется, – сказал Ван Бенекер. – Вы собираетесь отправиться в те края?

– Конечно. Я хочу совершить сентиментальное путешествие. Проеду по всем станциям в джунглях, навещу старых друзей: Сину, Каллена, Курца, Саламоне – кто там еще?

– Некоторых уже нет в живых.

– Ну, значит, тех, кто остался, – Гандерсен взглянул на маленького человечка и улыбнулся. – Лучше займись теперь своими туристами. Поболтаем вечером в гостинице. Я бы хотел, чтобы ты рассказал мне обо всем, что здесь происходило, когда меня не было.

– Я могу сделать это с легкостью, мистер Гандерсен. Сразу же и одним словом: распад. Все здесь гниет и распадается. Взгляните хотя бы на эту стену.

– Вижу...

– Посмотрите на ремонтных роботов. Не слишком блестят, верно? Они тоже понемногу сдают. Подойдите поближе и увидите пятна на их корпусах.

– Но ведь можно...

– Конечно. Все можно отремонтировать, даже ремонтных роботов. Но здесь разваливается целая система. Рано или поздно сотрутся базовые программы, и отремонтировать уже будет нечего. И этот мир вернется в каменный век. Вот тогда нилдоры наконец будут счастливы. Я знаю этих чудовищ, как, впрочем, и каждый, кто здесь живет. Я знаю, что они ждут не дождутся, когда последние следы землян исчезнут с этой планеты. Они притворяются дружелюбными, но на самом деле полны ненависти, настоящей ненависти, и...

– Займись своими туристами, Ван, – прервал его Гандерсен. – Они уже беспокоятся.

Глава вторая

Из космопорта в гостиницу их должен был отвезти караван нилдоров – по двое землян на одном нилдоре, Гандерсен один, Ван Бенекер с багажом – на вездеходе. Три нилдора, пасшихся на краю поля, спокойно подошли, чтобы включиться в караван, и еще двое вышли из джунглей. Гандерсена удивило, что нилдоры соглашаются служить землянам в качестве вьючных животных.

– Это им не мешает, – объяснил Ван Бенекер. – Они любят доставлять нам маленькие удовольствия. Это лишь усиливает их чувство превосходства. Впрочем, они почти не ощущают такой нагрузки и не считают чем-то унижительным то, что на них сидят люди.

– Когда я был здесь, мне казалось, что это их восторг не приводит, – сказал Гандерсен.

– С тех пор как мы отказались от прав на их планету, они относятся к этому более снисходительно. Впрочем, кто может знать, о чем они думают? Я имею в виду, о чем они на самом деле думают?

Туристы были потрясены перспективой поездки на нилдорах. Гандерсен старался их успокоить, объясняя, что это составляет существенную часть впечатлений, получаемых на Белзагоре. Кроме того, техника на планете не в лучшем состоянии, и, собственно, других пригодных к употреблению транспортных средств просто нет. Чтобы подбодрить туристов, он продемонстрировал им, как нужно садиться. Он похлопал своего нилдора по левому бивню, и животное опустилось на колени – сначала на передние, потом на задние – точно так же, как это делают слоны. Затем нилдор приподнял лопатки, и на его спине образовалось углубление, в котором человек мог удобно ехать. Гандерсен вскарабкался на него, ухватившись за ороговевшую складку кожи, как за луку седла. Шипастый гребень, шедший посередине широкого черепа туземца, начал сжиматься и вздрагивать – это был приветственный жест. Нилдоры владеют богатым языком жестов. Они пользуются не только гребнями, но и длинными хоботами, и кожистыми ушами.

– Сссух! – крикнул Гандерсен, и нилдор встал.

– Тебе удобно? – спросил нилдор на своем языке.

– Очень, – ответил Гандерсен, радуясь тому, что не забыл чужие слова.

С некоторой опаской и весьма неуклюже восемь туристов наконец уселись на нилдоров, и караван двинулся по дороге вдоль реки, в сторону гостиницы. Под пологом деревьев порхали фосфоресцирующие ночные мухи. На небе появилась третья луна, и ее свет проникал сквозь листья, освещая маслянистую реку, которая медленно текла с левой стороны. Гандерсен ехал позади группы, на случай если кому-то из туристов будет угрожать опасность. В пути был один неприятный момент: когда один из нилдоров покинул колонну, подошел к реке и погрузил в нее бивни, чтобы достать какой-то лакомый кусочек. Потом он вновь присоединился к каравану. «В прежние времена, – подумал Гандерсен, – ничего подобного не могло произойти. Нилдорам не позволялись никакие капризы».

Поездка доставляла ему удовольствие. Животные шли легкой рысью, что, однако, не было утомительно для пассажиров. «Какие приятные создания эти нилдоры, – подумал Гандерсен. – Сильные, неприхотливые, умные». Он уже протянул было руку, чтобы погладить своего, но решил, что это могло бы показаться нилдору унижительным. Он вспомнил, что нилдоры – все же не просто забавные слоны. Это разумные существа, господствующая форма жизни на планете – почти люди. И об этом не стоит забывать.

Вскоре Гандерсен услышал шум прибоя. Дорога стала шире. Они приближались к гостинице.

Впереди одна из женщин показывала куда-то в кусты. Ее муж пожал плечами и покачал головой. Когда Гандерсен приблизился к этому месту, он увидел, что обеспокоило туристов.

Какие-то черные фигуры виднелись тут и там среди деревьев, едва различимые в темноте. Две из них вынырнули из мрака и остановились у тропы. Это были коренастые двуногие существа, ростом около трех метров, покрытые густой темно-рыжей шерстью. Их мускулистые хвосты размеренно двигались из стороны в сторону, прикрытые толстыми веками глаза подозрительно смотрели на пришельцев. Существа пригнувались, шумно фыркая.

– Кто это? – спросила Гандерсена одна из женщин.

– Это сулидоры. Низшая раса. Они родом из Страны Туманов, живут на севере.

– Они опасны?

– Я бы не сказал.

– Если эти животные живут на севере, то что они здесь делают? – допытывался ее муж.

Гандерсен спросил об этом своего «коня».

– Они работают в гостинице, – ответил нилдор, – посыльными и помощниками на кухне.

Ему показалось странным, что нилдоры используют сулидоров в качестве прислуги в гостинице для землян. Даже до отказа землян от прав на планету сулидоры не использовались как прислуга, но тогда, естественно, здесь было множество роботов.

На берегу, прямо перед ними, находилась гостиница. Сверкающее куполообразное здание не носило видимых следов разрушения. Ранее это был фешенебельный дом отдыха, предназначенный исключительно для чиновников, занимавших высшие посты в Компании. Гандерсен провел здесь много счастливых дней. Теперь, вместе с Ван Бенекером, он помогал туристам сойти на землю. У входа в отель стояли три сулидора; Ван Бенекер сделал им знак, чтобы разгружали багаж из машины.

Внутри Гандерсен сразу заметил признаки упадка. Тигровый мох, окружавший цветник вдоль стены холла, начал пробиваться между черными плитами, покрывавшими пол. Когда Гандерсен входил, маленькие, зубастые пасти мха щелкнули челюстями. Вероятно, роботы, поддерживавшие порядок в отеле, когда-то запрограммированные на то, чтобы подрезать мох вокруг цветника, с течением времени разрегулировались, и теперь мох начал овладевать свободным пространством. А может быть, роботы вообще сломались, а заменившие их сулидоры не слишком добросовестно исполняли свои обязанности? Были также и другие признаки, указывавшие на отсутствие надлежащего ухода.

– Вам покажут ваши комнаты, – сообщил Ван Бенекер. – Когда будете готовы, спускайтесь вниз на коктейль. Ужин будет подан часа через полтора.

Огромный, как башня, сулидор проводил Гандерсена на третий этаж, в комнату с видом на море. Гандерсен машинально хотел дать сулидору монету, но тот лишь тупо посмотрел на него и не взял. Казалось, что сулидор пытается подавить какое-то внутреннее напряжение, но впечатление наверняка было обманчивым. В прежние времена сулидоры редко появлялись за пределами зоны туманов, и Гандерсен чувствовал себя с ними не слишком свободно.

– Ты давно в этом отеле? – спросил он на языке нилдоров.

Однако сулидор не ответил. Гандерсен не знал языка сулидоров, но был убежден, что каждый из них одинаково хорошо говорит и по-нилдорски, и по-сулидорски. Он повторил вопрос, четко произнося слова. Сулидор поскреб шкуру блестящими когтями и ничего не ответил. Он прошел позади Гандерсена, раздвинул шторы на окне, подрегулировал воздушные фильтры и не спеша вышел.

Гандерсен поморщился, быстро сбросил одежду и встал под душ. Мощные струи смыли дорожную пыль и грязь. Он распаковал вещи и достал вечерний костюм, серую рубашку и лакированные ботинки.

Внезапно он почувствовал себя крайне уставшим. Он был еще не стар, ему было сорок восемь лет, – и обычно он не ощущал усталости после дороги. Откуда же это? Только теперь он понял, в каком напряжении пребывал последние несколько часов – с того момента, как вернулся на эту планету, не вполне осознавая мотивы своего возвращения, не уверенный в том

приеме, который его ждет, быть может, ощущая некую вину. Теперь на него навалилась вся тяжесть ситуации, в которой он оказался.

Он коснулся выключателя, и стена превратилась в зеркало. Да, лицо его было сосредоточено, скулы, всегда немного выступавшие, теперь просто торчали, губы были плотно сжаты, а лоб наморщен. Он закрыл глаза и попытался расслабиться. Минуту спустя он выглядел уже лучше. Гандерсен подумал, что неплохо бы чего-нибудь выпить, и спустился в бар.

Там еще никого не было. Через открытые жалюзи до его ушей доносился шум бьющихся о берег волн. Он почувствовал соленый вкус моря. На краю пляжа оседающая соль прочертила белую линию. Был прилив, над водой торчали лишь вершины скал, окружавших небольшую бухту, предназначенную для купания. Гандерсен смотрел вдаль, в темноту на восточном горизонте. Тогда, в последний вечер, во время прощального банкета, на небе тоже было три луны. Когда гулянка кончилась, они с Синой пошли поплавать. Они добрались до невидимой за гребнями волн песчаной отмели, на которой едва можно было стоять, а когда вернулись на берег, обнаженные и покрытые мелкими кристалликами соли, любили друг друга на прибрежных камнях. Он ласкал ее, будучи уверенным, что это последний раз в жизни. А теперь он снова вернулся...

Его охватила такая пронзительная тоска, что он содрогнулся.

Гандерсену было тридцать лет, когда он прибыл на Мир Холмана в качестве помощника на станции. Когда он уезжал, ему было сорок, и он был управляющим округом. Сейчас ему казалось, что первые тридцать лет его жизни были лишь вступлением, подготовкой к тем десяти, которые он прожил на этом молчаливом континенте, ограниченном льдами и туманами на севере и юге, океаном Бенджамини на востоке и Морем Песка на западе. Все эти прекрасные и настоящие десять лет он правил половиной мира, по крайней мере во время отсутствия главного заместителя. Но, несмотря на это, планета стряхнула его с себя, как будто его вообще не существовало... Гандерсен отвернулся от жалюзи и сел. Появился Ван Бенекер, все в той же пропотевшей и помятой рабочей одежде. Он что-то дружелюбно буркнул Гандерсену и начал возиться за стойкой бара.

– Я еще и бармен, мистер Гандерсен. Чем могу служить?

– Что-нибудь покрепче. На твой выбор.

– Шприц или бутылочку?

– Предпочитаю бутылку. Люблю хорошую выпивку.

– Дело вкуса. Я предпочитаю шприц. Только тогда получаешь настоящий эффект, настоящее удовольствие.

Он поставил перед Гандерсеном пустой стакан и подал ему бутылочку, содержащую три унции темно-красной жидкости. Шотландский ром местного производства – Гандерсен не пил его восемь лет.

– Это еще из старых запасов, – пояснил Ван Бенекер. – Осталось немного, но я знаю, что вы оцените его по достоинству.

Себе он приставил к левому предплечью ультразвуковой шприц. Послышалось шипение, и через тонкую иглу алкоголь потек прямо в вену. Ван Бенекер скривился в улыбке.

– Так действует быстрее, – сказал он. – Так упивается рабочий класс. Дать вам еще рома, мистер Гандерсен?

– Не сейчас. Займись лучше своими туристами, Ван.

В бар начали парами прибывать туристы: сначала Уотсоны, потом Мирафлоресы, Штейны и, наконец, Кристоферы. Они явно ожидали, что в баре будет оживленно, что там будет много других гостей, приветствующих друг друга и обменивающихся веселыми замечаниями из разных концов зала, а официанты в красных куртках будут разносить напитки. Вместо этого их взору предстали поцарапанные пластиковые стены, неисправный музыкальный автомат, пустые столики и этот несимпатичный мистер Гандерсен, хмуро уставившийся в

стакан. Они украдкой обменялись взглядами. Стоило ли преодолевать столько световых лет, чтобы увидеть подобное?

Подошел Ван Бенекер, предлагая напитки, сигары и все прочее, что можно было найти среди скромных запасов отеля. Туристы расселись двумя группами возле окон и начали беседу, понизив голос, явно смущенные присутствием Гандерсена. Они чувствовали, что играют какую-то шутовскую роль пресыщенных, богатых людей, от нечего делать отправившихся в столь отдаленные края Галактики. Штейн держал в Калифорнии ресторан, где подавали улиток, Мирафлорес был владельцем нескольких ночных казино, Уотсон врачом, а Кристофер... – Гандерсен не мог вспомнить, чем занимался Кристофер. Что-то из области финансов.

– На пляже несколько этих животных. Этим зеленым слонов, – сказала миссис Штейн.

Все посмотрели туда. Гандерсен махнул рукой, чтобы ему принесли очередную порцию выпивки. Ван Бенекер вскочил, весь в поту, заморгал и впрыснул себе очередную порцию алкоголя. Туристы начали хихикать.

– Им что, даже не стыдно? – воскликнула миссис Кристофер.

– Может быть, они просто играют, Этель, – сказал Уотсон.

– Играют?! Ну, если ты называешь это игрой...

Гандерсен наклонился вперед и, не вставая с места, взглянул в окно. На пляже совокуплялась пара нилдоров. Самка стояла на коленях там, где слой соли на земле был наиболее толстым; самец взгромоздился на нее, охватив передними ногами ее плечи и прижав средний бивень к шипастому гребню на ее черепе, и переступал задними ногами, готовясь к завершающему удару. Туристы хихикали, обменивались нетактичными замечаниями, шокированные и одновременно возбужденные. К своему удивлению, Гандерсен почувствовал, что тоже шокирован, хотя вид спаривающихся нилдоров не был для него новостью. А когда раздался дикий, иступленный рев, он отвел глаза, испытывая смущение, хотя и не знал, почему. – Вы взволнованы, – заметил Бенекер.

– Они не должны делать этого здесь.

– Почему? Они везде это делают. Вы же знаете.

– Они пришли сюда специально, – пробормотал Гандерсен. – Чтобы покрасоваться перед туристами – или поиздеваться над ними? Они вообще не должны обращать внимания на туристов. Чего они хотят? Показать, что они просто животные?

– Ты не понимаешь нилдоров, Ганди, – Гандерсен посмотрел на него, удивленный как словами Ван Бенекера, так и внезапным переходом от «мистера Гандерсена» к «Ганди». Ван Бенекер тоже казался удивленным; он моргнул и смахнул со лба прядь редющих волос.

– Не понимаю? – удивился Гандерсен. – Прожив здесь десять лет?

– Извини, но я никогда не считал, что ты их понимаешь, даже когда ты жил здесь. Мы часто ходили вместе по их стойбищам, когда я у тебя работал. Я за тобой наблюдал.

– Почему ты считаешь, что я не мог их понять, Ван?

– Ты презирал их. Ты думал о них, как о животных.

– Вовсе нет!

– Но это так, Ганди. Ты никогда не допускал каких-либо мыслей о том, что они обладают разумом.

– Это неправда! – возразил Гандерсен. Он встал, взял из шкафчика новую бутылку рома и вернулся за столик.

– Я бы тебе принес, – запротестовал Ван Бенекер. – Надо было сказать.

– Все в порядке, – Гандерсен налил себе рома и быстро выпил. – Ты говоришь глупости, Ван. Я делал для этих созданий все возможное, чтобы поднять их на более высокий уровень цивилизации, усовершенствовать их культуру. Я ввел новые распоряжения об ограничении их работы. Я требовал от своих людей, чтобы они уважали их права и соблюдали местные обычаи. Я...

– Ты относился к ним, как к очень умным животным. Не как к другим людям. Может быть, Ганди, ты сам этого не осознавал, но я это замечал и, видит Бог, они тоже. А весь твой интерес к тому, чтобы поднять их уровень, все это чушь! У них есть собственная культура, Ганди. Им не нужна твоя!

– В мои обязанности входило руководить ими, – жестко сказал Гандерсен. – Хотя на самом деле трудно было ожидать, что стадо животных, не владеющих письменным языком, не... – он оборвал фразу на полуслове.

– Животных, – повторил Ван Бенекер.

– Я устал. Может быть, слишком много выпил. Просто случайно вырвалось.

– Животных.

– Оставь, Ван. Я старался, как только мог, и мне очень жаль, если что-то вышло не так. Я пытался поступать так, как считал справедливым. Гандерсен подвинул ему пустой стакан. – Налей мне еще, ладно?

Ван Бенекер принес ему выпить, а себе сделал очередную инъекцию. Гандерсен был рад наступившей паузе, и, видимо, Ван Бенекер тоже, поскольку оба некоторое время молчали, избегая взгляда друг друга.

В бар вошел сулидор и начал собирать пустые бутылки и стаканы, наклонившись, чтобы не задеть потолок, построенный по земным меркам. Разговоры туристов утихли, когда страшновато выглядевшее существо двинулось по залу. Гандерсен взглянул на пляж. Нилдоры уже ушли. Одна из лун заходила на востоке, оставляя огненный свет на волнующейся воде. Он с сожалением отметил, что забыл, как называются луны. Впрочем, это не имело значения: старые названия, данные землянами, уже принадлежали истории. Он повернулся к Ван Бенекеру.

– Как получилось, что ты решил остаться тут после того, как мы отказались от прав на планету? – спросил он.

– Я чувствовал себя здесь как дома. Я прожил здесь двадцать пять лет. Зачем мне куда-то перебираться?

– У тебя нет никакой родни?

– Нет. А тут мне удобно: я получаю пенсию от Компании и чаевые от туристов, кроме того, жалование в отеле. Хватает на все мои потребности, а прежде всего на алкоголь. Зачем мне уезжать?

– Кому принадлежит отель?

– Конфедерации западных нилдоров. Его передала им Компания.

– И нилдоры платят тебе жалование? Я думал, что они не знают, что такое деньги.

– Собственно, это так и есть. Но они как-то договорились с Компанией.

– Но ты ведь говорил, что Компания до сих пор содержит этот отель?

– Если вообще можно сказать, что кто-то его содержит, то это именно Компания, – подтвердил Ван Бенекер. – Впрочем, это не слишком нарушает договор о передаче собственности. Здесь работает только один сотрудник я. Я получаю жалование из тех денег, которые туристы платят за проживание. Остальное я расходую на импортные товары. Разве ты не видишь, Ганди, что это чистое издевательство? Они придумали это, чтобы я мог снабжать себя выпивкой. И все. Этот отель не приносит никаких доходов. Компания изгнана с этой планеты. Полностью.

– Ну хорошо, хорошо. Я тебе верю.

– А ты чего ищешь в Стране Туманов? – спросил Ван Бенекер.

– Ты действительно хочешь знать?

– За разговором быстрее идет время.

– Я хочу посмотреть церемонию повторного рождения. Когда я здесь был, никогда этого не видел.

Голубые выпуклые глаза Ван Бенекера, казалось, выпучились еще больше.

– Почему ты не можешь говорить серьезно, Ганди?

- Я говорю серьезно.
- Это опасная забава, с этими повторными рожденьями.
- Я готов рискнуть.
- Сначала тебе надо поговорить с некоторыми из наших людей. Вряд ли нам стоит вмешиваться в эти дела.
- А ты видел? – вздохнув, спросил Гандерсен.
- Нет. Никогда. Меня это даже не интересовало. Чем бы, черт возьми, ни занимались сулидоры в горах, пусть занимаются этим без меня. Однако я скажу тебе, с кем можно об этом поговорить – с Синой.
- Она видела повторное рождение?
- Ее муж видел.
- У Гандерсена поплыло перед глазами.
- Кто ее муж?
- Джефф Курц. Ты не знал?
- Черт побери, – пробормотал Гандерсен.
- Удивляешься, что она в нем нашла, а?
- Удивляюсь, как она смогла заставить себя жить с таким человеком. Ты говорил о моем отношении к туземцам, а он считал их своей собственностью и...
- Поговори с Синой, она живет у Водопадов Шангри-Ла. Об этом повторном рождении, – Ван Бенекер засмеялся. – Считаешь меня чокнутым, верно? Знаешь, что я пьян, и забавляешься.
- Нет. Вовсе нет, – Гандерсен встал. Ему было не по себе. – Мне надо немного выспаться.
- Ван Бенекер проводил его до дверей. Когда Гандерсен уже выходил, тот подошел к нему вплотную.
- Знаешь, Ганди, – прошептал он, – то, чем нилдоры занимались на пляже, не было предназначено для туристов. Они делали это для тебя. Такое у них чувство юмора. Спокойной ночи, Ганди.

Глава третья

Гандерсен проснулся рано, с неожиданно легкой головой. Зеленоватое солнце только что взошло. Он спустился на пляж, чтобы искупаться. Мягкий южный ветер гнал волнистые облака. Ветви деревьев халлигалли сгибались под тяжестью плодов. Воздух, как всегда, был влажным. За горами, тянувшимися дугой на расстоянии дня пути от побережья, раздался гром. Весь пляж был усеян кучами помета нилдоров. Гандерсен осторожно прошел зигзагами по хрустящему песку и бросился в волны. Он нырнул под пенящийся гребень и сильными, быстрыми движениями поплыл в сторону отмели. Был отлив. Он пересек песчаную отмель и поплыл дальше, пока не устал. Вернувшись на берег, он увидел туристов, Кристофера и Мирафлореса, которые тоже пришли купаться. Они несмело улыбнулись ему.

– Это укрепляет силы, – сказал он. – Нет ничего лучше соленой воды.

– Но почему они не могут держать пляж в чистоте? – бросил Мирафлорес.

Угрюмый сулидор подавал завтрак. Местные плоды, рыба. У Гандерсена был прекрасный аппетит. Он съел три золотисто-зеленых горьковатых плода, потом со знанием дела отделил кости ежа-краба от розового сладкого мяса, которое отправлял в рот вилкой с такой скоростью, будто участвовал в соревнованиях. Сулидор принес ему еще одну рыбу и миску лесных «свечек», формой напоминавших фаллосы. Гандерсен был занят поглощением деликатесов, когда вошел Ван Бенекер в чистой, хотя и потрепанной одежде. Вместо того чтобы подсесть за столик к Гандерсену, он лишь формально улыбнулся и прошествовал мимо.

– Садись сюда, Ван, – позвал его Гандерсен. Ван Бенекер остановился, но видно было, что он смущен.

– Что касается вчерашнего вечера... – начал он.

– Не о чем говорить.

– Я был несносен, мистер Гандерсен.

– Ты просто был под мухой. Все понятно. *In vino veritas*. Но вчера ты называл меня Ганди. Может быть, продолжим в том же духе и сегодня? Кто здесь ловит рыбу?

– Есть автоматическая запруда, рядом с отелем, с северной стороны. Она сама ловит рыбу и отправляет ее прямо на кухню. Одному Богу известно, кто бы готовил здесь еду, если бы у нас не было машин.

– А кто собирает плоды? Тоже машина?

– Этим занимаются сулидоры, – ответил Ван Бенекер.

– С каких это пор сулидоры начали использоваться на этой планете в качестве рабочей силы?

– Лет пять назад, может быть, шесть. Полагаю, идею переняли у нас нилдоры. Раз мы могли сделать из них выючных животных и живые бульдозеры, то и они могли превратить сулидоров в своих слуг. Что бы там ни было, сулидоры – все-таки низшая раса.

– Они всегда были сами себе хозяева. Почему они согласились им служить? Что они с этого имеют?

– Не знаю, – признался Ван Бенекер. – Никому еще не удавалось понять сулидоров.

Все верно, подумал Гандерсен. Никому еще не удалось понять, какие отношения царят между обоими разумными видами, населяющими эту планету. Уже само наличие двух разумных видов противоречит общепринятой во Вселенной логике эволюции. Как нилдоры, так и сулидоры могли бы существовать самостоятельно, поскольку по уровню развития превышали земных обезьян. Сулидор был сообразительнее шимпанзе, а нилдор еще умнее. Если бы здесь не было нилдоров, то хватило бы наличия сулидоров, чтобы вынудить Компанию отказаться от прав собственности на планету, когда антиколониальное движение достигло своего апогея. Но почему два вида и почему они так странно сосуществуют друг с другом? Двуногие хищные

сулидоры правят Страной Туманов, а четвероногие травоядные нилдоры доминируют в тропиках. Почему именно таким образом они поделили между собой этот мир? И почему подобное разделение нарушается, если именно это имеет сейчас место?

Гандерсен знал, что между этими созданиями существовали древние договора, определенная система прав и привилегий, что каждый нилдор отправляется в Страну Туманов, когда приходит время повторного рождения. Однако он понятия не имел, какую в действительности роль играли сулидоры в жизни и возрождении нилдоров. Этого никто не знал. Именно эта таинственная загадка была одной из причин, которые снова привели его на Мир Холмана, на Белзагор. Теперь, когда на нем не лежала официальная ответственность, он мог свободно рисковать жизнью, чтобы удовлетворить свое любопытство. Однако его обеспокоили изменения в отношениях между сулидорами и нилдорами, которые он наблюдал здесь, в отеле. Конечно, обычаи инопланетян – не его дело. Собственно, теперь ничто здесь не было его делом. Он прибыл сюда, чтобы якобы проводить исследования, то есть попросту совать везде нос и шпионить. Таким образом, его возвращение на эту планету казалось в большей степени добровольным актом, чем подчинением неуклонной тяге, хотя он чувствовал, что все же испытывал ее.

– ...более сложно, чем могло бы показаться, – достигли его сознания слова Ван Бенекера.

– Извини. Я прослушал, что ты сказал.

– Не важно. Мы здесь любим теоретизировать – та сотня, что от нас осталась. Когда ты хотел бы отправиться на север?

– Хочешь от меня поскорее избавиться, Ван?

– Я просто хочу все спланировать, приятель, – слегка обиженно ответил Ван Бенекер. – Если ты собираешься остаться, нужно позаботиться о пропитании для тебя, и...

– Я отправлюсь сразу же после завтрака, если ты объяснишь, как добраться до ближайшего стойбища нилдоров. Я хочу получить разрешение на свое путешествие.

– Двадцать километров на юго-восток. Я бы тебя подбросил на вездеходе, но понимаешь – туристы...

– Не мог бы меня подвезти какой-нибудь нилдор? – спросил Гандерсен. Впрочем, если с этим слишком много хлопот, то потащусь сам, ничего не поделаешь.

– Я все устрою, – заверил Ван Бенекер.

Через час после завтрака появился молодой самец-нилдор, чтобы отвезти Гандерсена в стойбище. В прежние времена Гандерсен просто забрался бы ему на спину, но теперь он чувствовал, что должен представиться. «Нельзя требовать, чтобы самостоятельное, разумное существо везло тебя через джунгли, – думал Гандерсен, – не проявив по отношению к нему элементарной вежливости».

– Я Эдмунд Гандерсен, однажды рожденный, – сказал он, – и желаю тебе, мой любезный попутчик, многих счастливых повторных рождений.

– Я Срин'гахар, однажды рожденный, – вежливо ответил нилдор, – и благодарю тебя за добрые пожелания, мой любезный попутчик. Буду служить тебе по своей воле и без принуждения и жду твоих приказаний.

– Я должен поговорить с многократно рожденным и получить разрешение на путешествие на север. Этот человек говорит, что ты можешь меня к нему отвезти.

– Это возможно. Сейчас?

– Сейчас.

У Гандерсена был только один чемодан. Он положил его на широкий зад нилдора, а Срин'гахар тут же поднял хвост, чтобы придержать багаж. Затем он опустился на колени, а Гандерсен с соблюдением надлежащего ритуала уселся на нем верхом. Тонны мускулов поднялись и послушно двинулись в сторону леса. Все было почти так же, как и раньше.

Первые километры пути среди все более густых зарослей деревьев с горькими плодами они проделали молча. Постепенно Гандерсен понял, что нилдор не будет говорить, если не

начать разговор самому, и сказал для завязки, что десять лет тому назад жил на Белзагоре. Срин'гахар ответил, что знает об этом и помнит его со времен правления Компании. Речь нилдора напоминала носовое ворчание и хрюканье без всяких оттенков, и было неясно, вспоминает ли нилдор Гандерсена с удовольствием, с отвращением или безразличием. Гандерсен мог бы сделать какие-то выводы по движениям гребня на голове Срин'гахара, но сейчас это было невозможно. Сложная дополнительная система общения нилдоров, к сожалению, не была достаточно развита для удобства пассажиров. Кроме того, Гандерсен знал лишь несколько из практически неограниченного числа дополнительных жестов, впрочем, большинство из них он забыл.

Нилдор казался ему достаточно дружелюбным.

Гандерсен собирался воспользоваться поездкой, чтобы вспомнить нилдорский язык. Пока что у него шло неплохо, но он понимал, что в беседе с многократно рожденным ему потребуется все знание этого языка.

– Я правильно говорю? – то и дело спрашивал он. – Пожалуйста, поправь меня, если я ошибаюсь.

– Ты говоришь очень хорошо, – отметил Срин'гахар.

Язык, в сущности, не был трудным. Словарь его был невелик, а грамматика проста. Глаголы не спрягались. Слова формировались простым соединением значащих слогов, и сложное понятие, например «прежнее пастбище стада моего супруга», звучало как длинный ряд хриплых звуков, не прерывавшихся даже короткой паузой. Речь нилдоров была медленной и монотонной, она содержала низкие вибрирующие звуки, которые землянину приходилось извлекать из глубины носа; переходя с нилдорского на любой земной язык, Гандерсен испытывал ни с чем не сравнимое облегчение, словно цирковой акробат, внезапно перенесшийся с Юпитера на Меркурий.

Срин'гахар шел по тропе нилдоров, а не по одной из старых накатанных дорог Компании. Гандерсену приходилось наклоняться под низко свисающими ветвями, а один раз дрожаящая лиана-никаланга обвилась вокруг его шеи. Он быстро разорвал ее, ощутив жуткие холодные объятия. Оглянувшись, он увидел, что лиана набухла от возбуждения, покраснела и раздулась – так на нее подействовало прикосновение кожи землянина. Вскоре влажность воздуха в джунглях достигла предела, испарения начали выпадать крупными каплями. Было так душно, что Гандерсен с трудом дышал, а по телу стекали струи пота. Вскоре они пересекли старую дорогу Компании, которая уже так заросла, что еще год, и от нее не останется и следа.

Огромное тело нилдора часто требовало пищи. Каждые полчаса они останавливались, Гандерсен слезал, а Срин'гахар жевал веточки кустов. Это зрелище вновь пробуждало предубеждения Гандерсена и беспокоило его до такой степени, что он старался не смотреть. Нилдор, совсем как слон, вытягивал хобот и очищал ветки от листьев, потом его огромная пасть раскрывалась, и в ней исчезала целая охапка. Тремя огромными бивнями он обдирает кусочки коры на десерт. Громадные челюсти неумоимо двигались вперед и назад, дробили, перемалывали. Мы сами во время еды выглядим не лучше, убеждал себя Гандерсен. Однако демон, который в нем сидел, упирался и твердил, что его спутник-нилдор – просто животное.

Срин'гахар не был болтлив. Когда Гандерсен ничего не говорил, то и нилдор молчал. Когда Гандерсен о чем-нибудь спрашивал, нилдор отвечал вежливо, но очень кратко. Усилия для поддержания разговора утомили Гандерсена. Он подчинился ритму шагов огромного существа, находя удовольствие в том, что без затраты сил со своей стороны преодолевает полные испарений джунгли. Он понятия не имел, где находится, и не мог бы сказать, движутся ли они в нужном направлении, поскольку деревья над головой создавали сплошной полог, скрывавший солнце. Нилдор, желая в очередной раз за это утро поесть, неожиданно свернул с тропы и, топчась растительность, подошел к тому, что когда-то было сооружением Компании, а теперь – грязными, заросшими лианами развалинами.

- Ты знаешь, что это за дом, Эдмунд однажды рожденный? – спросил Срин’гахар.
- Не припоминаю...
- Ваша станция. Здесь вы собирали змеиный яд.

На Гандерсена внезапной лавиной обрушилось прошлое. Перед глазами возникали обрывочные картины. Старые скандалы, давно забытые или загнанные в глубь подсознания, ожили вновь. Эти руины – биостанция? Место его прегрешений, стольких падений и утрат? Гандерсен чувствовал, что у него начинают гореть щеки. Он слез со спины нилдора и побрел в сторону здания. Перед дверью он на мгновение остановился и заглянул внутрь. Да, вот свисающие трубки и желоба, по которым тек добытый яд. Все техническое оборудование до сих пор было на месте, заброшенное и пришедшее в негодность из-за влаги. А здесь был вход для змей, которые под звуки чужой музыки, не в силах ей сопротивляться, выползали из джунглей и отдавали свой яд. А тут... а там...

Он бросил взгляд на Срин’гахара. Шипы на гребне нилдора набухли: признак напряжения, а может быть, и стыда. У нилдоров тоже были воспоминания, связанные с этим зданием. Гандерсен вошел внутрь, толкнув приоткрытую дверь. Заскрипели петли. Скрежет, а затем мелодичный стон разнеслись по всему зданию, отдаваясь приглушенным эхом. Бзмм... и Гандерсен снова услышал гитару Джеффа Курца. Он будто опять вернулся в прошлое. Ему снова было тридцать, и он только что прилетел на Мир Холмана. Он начинал практику на биостанции, а потом остался на постоянную работу на планете. Сколько же слухов ходило вокруг этого места! Да... Из глубин памяти возникла фигура Курца. Он стоял в дверях, не правдоподобно высокий, самый высокий мужчина из тех, кого когда-либо видел Гандерсен, с большой круглой лысой головой и огромными черными глазами, сидящими под выступающими надбровными дугами. Его широкая улыбка открывала белые зубы. Забренчала гитара, и Курц сказал:

– Тебе тут понравится, Ганди. Здесь можно получить ни с чем не сравнимые впечатления. На прошлой неделе мы похоронили твоего предшественника. – Бзмм. – Тебе, конечно, нужно будет научиться выдерживать определенную дистанцию между собой и тем, что тут происходит. Только так можно сохранить собственную личность в этом чуждом мире. Нужно очертить вокруг себя границу, Ганди, и сказать этой планете: вот до этого места ты можешь дойти, пытаясь меня уничтожить, но ни шагу дальше. В противном случае планета тебя поглотит и сделает своей составной частью. Я понятно говорю?

- Ничего не понимаю, – сказал Гандерсен.
- Со временем поймешь. – Бзмм. – Идем, посмотришь наших змей.

Курц был на пять лет старше Гандерсена и прибыл на Мир Холмана тремя годами раньше. Гандерсен знал о нем понаслышке задолго до того, как с ним встретился. Все, казалось, испытывали к Курцу чуть ли не священное почтение, хотя тот был лишь помощником начальника станции и никогда не поднимался выше. Через пять минут Гандерсен считал, что сумел его раскусить: он напоминал падающего, не до конца павшего ангела, Люцифера на пути в бездну, еще у начала своего падения. Такого человека нельзя было обременить серьезной ответственностью, пока он не прошел свой путь и не достиг конечной цели.

Они вместе вошли на станцию. Курц взял дистиллятор, нежно погладил трубки и краны. Пальцы его напоминали ноги паука, а поглаживание казалось странно неприличным. В дальнем конце комнаты стоял низкий, приземистый мужчина, с темными волосами и черными бровями, начальник станции Джо Саламоне. Курц представил ему Гандерсена. Саламоне улыбнулся.

- Повезло вам, – сказал он. – Как это вам удалось получить назначение сюда?
- Меня просто прислали, – сказал Гандерсен.
- Кто-то над кем-то подшутил, – предположил Курц.
- Может быть, – согласился Гандерсен. – Каждый считает меня лжецом, когда я говорю, что меня направили сюда, хотя я особенно не старался.
- Тест на невинность, – пробормотал Курц.

– Ну, раз вы уже здесь, – объявил Саламоне, – вы должны познакомиться с основным законом нашей жизни. Он запрещает обсуждать с кем-либо вне пределов станции то, что здесь происходит. Carisce? А теперь повторяйте за мной: клянусь Отцом, Сыном и Святым Духом, а также Авраамом, Исааком, Иаковом и Моисеем...

Курц подавился со смеху.

– Такой клятвы я никогда еще не слышал, – сказал удивленный Гандерсен.

– Саламоне – итальянский еврей, – пояснил Курц, – он старается подстраховаться на всякий случай. Клятва пусть тебя не волнует, но он действительно прав: никого не касается то, что здесь происходит. То, что ты где-то слышал о нашей станции, может быть, и правда, но ничего никому не рассказывай, когда уедешь отсюда. – Бзмм. Бзмм. – А теперь смотри внимательно. Мы будем созывать наших демонов. Приготовь усилители, Джо.

Саламоне схватил пластиковый мешок с чем-то, напоминавшим золотистую крупу, и потащил его в сторону задней двери. Он набрал в горсть содержимое мешка и быстрым движением бросил в воздух. Ветер тотчас же подхватил и унес блестящие зернышки.

– Сейчас он разбросал в джунглях тысячи микроусилителей, – пояснил Курц. – В течение десяти минут они покроют площадь в радиусе десяти километров. Они настроены на частоту звуков моей гитары и флейты Джо, а благодаря резонансу там везде будет слышна музыка.

Курц начал играть, а Саламоне подыгрывал ему на флейте. Зазвучала торжественная сарабанда, мягкая, гипнотизирующая, в ней повторялись две или три музыкальные фразы, без изменения тембра и высоты тона. Десять минут не происходило ничего необычного. Потом Курц показал в сторону джунглей.

– Начинают выползать, – прошептал он. – Мы самые настоящие заклинатели змей.

Гандерсен пригляделся к змеям, ползшим среди зарослей; они были вчетверо длиннее человеческого роста и с человеческую руку толщиной. Вдоль их спин шли волнистые плавники. Кожа их была блестящая, бледно-зеленая и явно липкая, поскольку к ней в разных местах приклеились фрагменты лесной подстилки – кусочки мха, листья, увядшие лепестки цветов. Глаза им заменяли ряды рецепторов величиной с блюдце, расположенных по обе стороны плавника. Головы у них были короткие и толстые, а ротовое отверстие представляло собой узкую щель. На месте ноздрей торчали две тонкие иглы длиной с большой палец. В момент возбуждения, или когда змея нападала, они удлинялись впятеро, и из них выделялась голубая жидкость – яд. Несмотря на размеры тварей и на то, что их одновременно появилось по крайней мере тридцать, Гандерсен не испытывал страха, хотя наверняка при виде такого количества питонов его объял бы ужас. Это не были питоны. Это не были даже, собственно, рептилии, но какие-то жуткие создания, гигантские черви. У них был сонный вид, и они не проявляли никаких признаков интеллекта, однако явно реагировали на музыку. Она привела их к самой станции, и теперь они извивались в чудовищном танце, ища источник звуков. Первые змеи уже вползали в здание.

– Играешь на гитаре? – спросил Курц. – Возьми, просто ударяй по струнам. Мелодия теперь уже не важна.

Он бросил инструмент Гандерсену, который с трудом извлек из него неловкое подобие мелодии, которую играл Курц. Курц тем временем надевал нечто вроде розового колпачка на голову ближайшей змеи. Колпачок начал ритмично пульсировать, змея извивалась, ее плавник конвульсивно вздрагивал, хвост бил по земле. Потом она успокоилась. Курц снял колпачок и надел его на голову следующей, а потом по очереди на головы остальных.

Он извлекал их яд. Говорили, что для туземцев этот яд смертелен. Змеи никогда не нападали, но потревоженные жалили, и яд действовал быстро. Однако то, что было ядом на Мире Холмана, одновременно оказывалось эликсиром жизни на Земле. Змеиный яд был одним из наиболее доходных товаров, которые экспортировала Компания. Соответствующим образом дистиллированный, высушенный и кристаллизованный, он служил катализатором в процессе

регенерации органов человеческого тела. Как и почему так происходило, Гандерсен не знал, однако столкнулся с чем-то подобным во время учебы, когда один из его коллег при аварии на планере потерял обе ноги ниже колен. После применения препарата ноги отросли в течение шести месяцев.

Гандерсен продолжал терзать гитару, Саламоне играл на флейте, а Курц собирал яд. Внезапно в зарослях раздался рев. Музыка явно привлекла также стадо нилдоров. Гандерсен видел, как они выходили из-за кустов и робко останавливались на краю поляны. Их было девять. Вскоре они начали раскачиваться в неуклюжем танце, мотая хоботами в ритме мелодии и помахивая хвостами, а их шипастые гребни сжимались и разжимались.

– Готово, – объявил Курц. – Пять литров. Неплохой улов.

Как только стихла музыка, змеи, лишённые яда, поползли в лес. Нилдоры еще какое-то время оставались, пристально глядя на людей, но потом и они ушли. Курц и Саламоне познакомили Гандерсена с техникой перегонки ценной жидкости и ее подготовкой к отправке на Землю.

На этом все и закончилось. Он не заметил ничего скандального и не мог понять, откуда взялось столько двусмысленных сплетен по поводу этой станции и почему Саламоне хотел взять с него клятву молчать. Однако он не осмелился спрашивать. Через три дня они снова приманили змей, собрали у них яд, и снова во всем этом ритуале Гандерсен не увидел ничего особенного. Однако вскоре он понял, что Курц и Саламоне лишь испытывали его перед началом настоящего таинства.

На третьей неделе пребывания на станции его наконец допустили к тайному знанию. Сбор яда был закончен, и змеи вернулись в лес. Несколько нилдоров из тех, что были привлечены сегодняшним концертом, еще бродили возле здания. Гандерсен внезапно почувствовал, что сейчас произойдет нечто необычное. Он увидел, что Курц многозначительно взглянул на Саламоне и отсоединил резервуар с ядом, прежде чем жидкость начала стекать в перегонный аппарат, потом налил около литра в широкую миску. На Земле такое количество лекарства стоило бы годового жалованья Гандерсена.

– Идем с нами, – сказал Курц.

Все трое вышли наружу. Сразу же подошли три нилдора. Они вели себя странно, их гребни стали твердыми, а уши дрожали – казалось, нилдоры полны были страстного желания. Курц протянул миску с ядом Саламоне, который немного отпил из нее. Потом выпил Курц.

– Причистишься с нами? – спросил он, протягивая миску Гандерсену.

Гандерсен заколебался.

– Можно пить, безопасно, – старался успокоить его Саламоне, – он не действует на ядра клеток, когда принимаешь его внутрь.

Гандерсен поднес сосуд ко рту и осторожно сделал глоток. Яд был сладкий, но водянистый.

– Он действует только на мозг, – добавил Саламоне.

Курц взял у него миску и поставил на землю. Подошел самый крупный нилдор и аккуратно погрузил хобот в жидкость. Потом напились второй и третий. Миска опустела.

– Если это яд для обитателей этой планеты? Что тогда? – забеспокоился Гандерсен.

– Ведь они сами пьют. Это опасно только в том случае, когда яд попадает непосредственно в кровь, – пояснил Саламоне.

– И что теперь будет?

– Подожди, – сказал Курц, – и открой свою душу перед тем, что произойдет.

Гандерсену не пришлось долго ждать. Он почувствовал, что его шея становится толстой, лицо шершавым, а руки неимоверно тяжелыми. Ощущение усилилось, и он упал на колени. Он повернулся к Курцу, ища поддержки в его черных, блестящих глазах, но глаза эти уже становились плоскими и большими, а зеленый, гибкий хобот почти достигал земли. С Саламоне

происходила та же метаморфоза: он комично подергивался и вонзал бивни в землю. Гандерсен чувствовал, что продолжает увеличиваться. Он осознавал, что теперь весит несколько тонн, и пытался скоординировать движения своего тела, делая шаги вперед и назад, учась ходить на четырех ногах. Он подошел к ручью и набрал в хобот воды, потом потерялся покрытым шершавой шкурой телом о ствол дерева. Его распирала радость от того, что он такой огромный, и от радости он ревел и трубил. Он присоединился к Курцу и Саламоне, и начался дикий танец, от которого гудела земля. Нилдоры тоже подверглись превращению: один стал Курцем, второй Саламоне, а третий Гандерсеном, и – еще неуверенно себя чувствуя в новом облике, – они совершали пируэты, переворачивались и кувыркалились.

Гандерсена, однако, не интересовало, что делают нилдоры. Он полностью сосредоточился на собственных ощущениях. Где-то в глубине души его пугало осознание того, что с ним произошли столь удивительные перемены, что он обречен до конца жизни на роль огромного животного, обдирающего кору и листья с деревьев в джунглях. Но, с другой стороны, его радовало столь большое тело и абсолютно новые ощущения. Зрение у него стало хуже, он видел все как бы в дымке, но зато мог различать самые тонкие запахи и обладал намного более острым слухом – так как если бы он мог видеть ультрафиолетовое и инфракрасное излучение. Темные лесные цветы испускали волны ошеломляющих, влажных, сладких запахов, шуршание лапок множества насекомых звучало как симфония. И эта его величина! Экстаз обладания столь могучим телом! Он валил деревья и прославлял себя громким ревом. Он объедался травой до отвала. Потом он прилег, успокоился и стал размышлять над проблемой зла во Вселенной, спрашивая себя, почему оно существует и действительно ли зло является объективной реальностью. Ответ удивил и обрадовал его. Он повернулся к Курцу, чтобы поделиться с ним своим открытием, но как раз в этот момент действие яда внезапно начало слабеть, и Гандерсен вдруг снова почувствовал себя нормальным человеком. Он начал плакать, испытывая жгучий стыд, как будто кто-то застал его, например, во время издевательства над ребенком. Трех нилдоров нигде не было видно. Саламоне поднял миску и вошел в здание.

– Пойдем, – сказал Курц.

Никто из них не разговаривал с Гандерсеном на эту тему. Они позволили ему принять участие в некоем ритуале, но не желали что-либо ему объяснять. Когда он пытался спрашивать, они быстро уходили от ответа. Обряд оставался для каждого сугубо личным делом. Гандерсен не мог в полной степени оценить свои переживания. Неужели его тело действительно на час превратилось в тело нилдора? Вряд ли. Значит, его разум, его душа каким-то образом переместилась в тело нилдора? А душа нилдора, если нилдор обладает душой, вошла в него? В чем он участвовал, какого рода соединение душ произошло на этой планете?

Три дня спустя, не отработав и половины положенного срока, Гандерсен подал заявление о переводе на другую станцию. Единственной реакцией Курца, когда он сообщил ему, что уезжает, был короткий, презрительный смешок. Гандерсен никогда больше там не был.

Позднее он старался собирать все сплетни о том, что делается на биостанции. Рассказывали об отвратительных сексуальных извращениях в лесу, о половых связях между землянами и нилдорами, а также между самими землянами. Ходили слухи, что у тех, кто постоянно пьет яд, происходят странные и страшные изменения тела. Говорили, что старейшины нилдоров на заседании совета решительно осудили дурную привычку посещать биостанцию и пить напиток, которым угощали земляне. Гандерсен не знал, что из этого было правдой. Однако и несколько лет спустя он с трудом мог посмотреть Курцу в глаза, когда они изредка встречались. Иногда ему было тяжело даже наедине с собой. Один час метаморфозы наложил на его личность глубокий отпечаток. Он чувствовал себя как девушка, которая случайно участвовала в оргии, потеряла невинность, но так полностью и не осознала, что с ней случилось.

Призраки рассеялись, звук гитары Курца звучал все тише, пока не смолк.

– Можно идти дальше? – спросил Срин’гахар. Гандерсен медленно вышел из разрушенного здания.

– Сейчас еще собирают змеиный яд?

– Не здесь, – ответил нилдор.

Он опустился на колени. Землянин уселся ему на спину, и Срин’гахар снова молча понес его к тропинке, которая их сюда привела.

Глава четвертая

Во второй половине дня они приблизились к стойбищу нилдоров. Большую часть пути они проделали по широкой прибрежной низменности, которая длинной узкой полосой шла с севера на юг, отделяя центральное плоскогорье от побережья. Гандерсен заметил, что на значительном пространстве деревья и кусты были лишены листьев, что означало присутствие поблизости большого стада нилдоров.

Даже буйное тропическое плодородие этого региона не могло угнаться за аппетитами нилдоров. Через лес на высоте двух человеческих ростов от земли тянулась обглоданная просека. Требовалось больше года, чтобы после прохода стада здесь вновь появилась зелень. Однако по обе стороны просеки лес был столь густым, что почти непроходим – настоящие джунгли, сырые, душные, темные. В долине температура была значительно выше, чем на побережье, а влажность воздуха почти достигала предела. Растительность здесь тоже отличалась. На побережье листья деревьев были довольно острыми, иногда опасно острыми. Здесь же они, округлые и мясистые, блестели в лучах солнца, пробивавшихся сквозь купол переплетающихся наверху ветвей.

Гандерсен и нилдор спускались по просеке в долину вдоль ручья, который тек в глубь леса. Земля была податливая, мягкая, и Срин'гахар все чаще проваливался по колено в ил. Наконец они оказались в широком круглом бассейне, расположенном, видимо, ниже всего в окрестностях. С трех или четырех сторон в него впадали ручьи, питая темное, заросшее тиной озеро, по берегам которого расположилось стадо Срин'гахара. Гандерсен увидел несколько сотен нилдоров – пасущихся, спящих, прогуливающих или спаривающихся.

– Ссади меня, – сказал он, сам удивляясь своей просьбе. – Я пойду рядом с тобой.

Срин'гахар, не говоря ни слова, позволил ему сойти на землю.

Едва коснувшись земли, Гандерсен сразу пожалел, что решил быть с нилдором на равных. Ноги нилдора с широкими подушками легко удерживались на болотистой почве, а Гандерсен начинал проваливаться, стоило ему остаться на одном месте дольше нескольких мгновений. Теперь, однако, он уже не мог бы снова сесть на Срин'гахара. Каждый шаг давался ему с боем. Он был крайне напряжен и не уверен к том, какой ему здесь окажут прием. Кроме того, он был голоден, поскольку всю дорогу ничего не ел, за исключением нескольких горьких плодов, сорванных по пути с деревьев. Из-за влажного воздуха тяжело было дышать. Гандерсен почувствовал небывалое облегчение, когда у подножия склона грунт стал тверже. Росшие в озере губчатые растения создавали толстый, плотный ковер, дававший ногам более надежную опору.

Срин'гахар поднял хобот и издал громкий приветственный рев. Несколько нилдоров затрубили в ответ, затем Срин'гахар обратился к Гандерсену.

– Мой любезный попутчик, – сказал он, – многократно рожденный стоит на берегу озера. Видишь его? Там, в той группе. Отвести тебя к нему?

– Буду крайне признателен, – ответил Гандерсен. Озеро было покрыто густой растительностью. По поверхности плавала масса листьев, большие кувшинки в форме чашек, стебли, напоминавшие спутанные канаты, темно-синего цвета на фоне светлой, зеленовато-голубой воды. Среди массы густой растительности плавали большие земноводные животные – полдюжины малидаров, гладкие желтоватые тела которых были почти полностью погружены в воду. Видны были лишь их закругленные спины, торчащие глаза-перископы и кое-где – пара фыркающих ноздрей. Огромная прожорливость малидаров постоянно опустошала озеро, но активный рост новых растений быстро заживлял раны.

Гандерсен и Срин'гахар двигались в сторону воды. Внезапно ветер изменил направление, и в нос Гандерсену ударил запах озера. Он закашлялся. В озере шла ферментация. Алкоголь, будучи побочным продуктом дыхания водных растений, не находил выхода, и озеро превра-

тилось в огромную ванну с самогоном. Алкоголь и вода быстро испарялись, так что воздух вокруг был не только влажным, но и опьяняющим. Вода, приносимая ручьями, не могла восполнить убытки, вызванные испарением, и с течением лет процент алкоголя в водоеме постоянно увеличивался. Гандерсен вспомнил, что в те времена, когда Компания владела этой планетой, такие озера погубили не одного ее сотрудника.

Казалось, что нилдоры, когда он проходил мимо них, не обращают на него внимания. Однако он знал, что это лишь видимость и что все стадо внимательно за ним наблюдает. С изумлением он заметил на берегу одного из ручьев десятка полтора шалашей. У нилдоров нет жилищ – в этом климате это просто не нужно. Впрочем, они и не в состоянии возвести какое-либо сооружение, не имея рук или подобных им органов, если не считать трех «пальцев» на конце хобота. Он удивленно рассматривал примитивные строения, а потом вспомнил, что нечто подобное уже видел – это были хижины сулидоров. Еще одна загадка – до сих пор он не слышал о столь близких связях между нилдорами и хищными двуногими из Страны Туманов. Вскоре Гандерсен увидел и самих сулидоров. Их было около двадцати, они сидели, скрестив ноги. Рабы? Пленники? Друзья племени? Ему не удавалось найти разумного объяснения.

– Вот наш многократно рожденный, – произнес Срин’гахар, указывая хоботом на старого, покрытого шрамами нилдора, стоявшего посреди группы на берегу озера.

Гандерсен почувствовал уважение к старику не только по причине его почтенного возраста, но и потому, что знал о его многократном участии в невообразимом ритуале повторного рождения. Этот нилдор преодолел барьер, который ограничивал землян. Гандерсен с замиранием сердца приближался к предводителю стада. Что бы ни представляла собой церемония повторного рождения, тот прошел ее, и не один раз, а Гандерсен – нет, и он не в силах был унять нервную дрожь.

Старика окружали «приближенные», с серой и тоже морщинистой кожей собрание старейшин. Молодые нилдоры, из поколения Срин’гахара, держались в почтительном отдалении. В стаде вообще не было нилдоров-подростков. Ни один землянин никогда не видел детеныша нилдора. Гандерсену говорили, что нилдоры всегда появляются на свет в Стране Туманов, на родине сулидоров, и, судя по всему, остаются там до достижения нилдорской зрелости – лишь тогда они мигрируют в тропические джунгли. Он слышал также, что каждый нилдор надеется вернуться в Страну Туманов, когда придет время умирать. Он не знал, правда ли это. Впрочем, никто не знал этого наверняка.

Старые нилдоры расступились, и Гандерсен оказался лицом к лицу с многократно рожденным. Протокол требовал, чтобы прищелец заговорил первым, но он молчал, полный напряжения и, может быть, слегка одурманенный испарениями озера. Ему казалось, что, прежде чем он сумел сосредоточиться, прошли века. Наконец он сказал:

– Я, Эдмунд Гандерсен, однажды рожденный, – сказал он, – желаю тебе радости многих следующих рождений, о Мудрейший.

Нилдор не спеша повернул большую голову, втянул хоботом немного воды из озера и вылил себе в пасть.

– Мы давно знаем тебя, Эдмунд Гандерсен, – загремел он. – Ты работал в большом доме Компании в Файр-Пойнт, на Море Песка.

Великолепная память нилдора удивила и обеспокоила Гандерсена. Если они так хорошо его помнят, то каковы шансы получить от них соизволение?

– Да, я был здесь очень давно, – сдавленно сказал он.

– Не так давно. Десять оборотов – не столь долгое время.

Нилдор опустил тяжелые веки, и несколько мгновений казалось, что многократно рожденный погрузился в сон.

– Я Вол’химиор, семь раз рожденный, – наконец произнес он, не открывая глаз. – Не войдешь ли со мной в воду? После своего последнего рождения я быстро устаю на суше.

Не ожидая ответа, Вол'химиор шагнул в озеро, медленно прошел около сорока метров и погрузился по плечи. Малидар, обгладывавший водоросли в этой части озера, с недовольным ворчанием нырнул и вновь показался в отдалении. Гандерсен знал, что у него нет иного выбора, как только последовать за многократно рожденным. Он сбросил одежду и вошел в озеро. Вода была теплая. Некоторое время он шел по пружинящей массе волокнистых стеблей, а потом почувствовал под босыми ногами мягкий, теплый ил. Он ощущал прикосновения маленьких многоногих существ, стебли подводных растений обвивали его ноги. Со дна поднимались пузыри испарений алкоголя и лопались на поверхности. У Гандерсена кружилась голова. Он с трудом продирался через спутанную растительность и испытал подлинное облегчение, когда илистое дно ушло у него из-под ног. Вода стала чище, поскольку недавно здесь поработали малидары; он быстро подплыл к Вол'химиору. В темной глубине проносились в разных направлениях незнакомые существа, и время от времени что-то скользкое прикасалось к телу Гандерсена. Он заставил себя не обращать на это внимания.

– Ты покинул наш мир на много оборотов, так? – пробормотал Вол'химиор, все еще будто погруженный в дремоту.

– Когда Компания отказалась от своих прав, я вернулся в свой собственный мир, – ответил Гандерсен.

Еще до того, как поднялись веки нилдора, до того, как его круглые желтые глаза холодно взглянули на Гандерсена, он уже знал, что совершил ошибку.

– Твоя Компания никогда не имела никаких прав, от которых могла бы отказаться, – заявил нилдор обычным бесцветным тоном. – Разве не так?

– Да, это правда, – согласился Гандерсен, пытаясь найти слова, чтобы как-то исправить предыдущую бестактность. – Когда Компания отказалась от владения этой планетой, я вернулся в свой собственный мир.

– Это уже ближе к истине. Но почему в таком случае ты вернулся сюда?

– Потому что я полюбил эту планету и хотел снова ее увидеть.

– Возможно ли, чтобы землянин испытывал любовь к Белзагору?

– Да, для землянина это возможно.

– Я знаю, что Белзагор может овладеть землянином, – медленно, задумчиво сказал Вол'химиор. – В один прекрасный день землянин может обнаружить, что душу его будто держат на привязи силы этой планеты. Однако сомневаюсь, может ли землянин испытывать к ней любовь так, как я понимаю любовь в вашем смысле.

– Наверное, ты прав, многократно рожденный. Моей душой овладел Белзагор. Я не мог справиться с собой и должен был вернуться.

– Ты быстро признаешь мою правоту.

– Я не хочу тебя обидеть.

– Это похвально. А что ты хочешь делать здесь, в этом мире, который овладел твоей душой?

– Я хочу путешествовать, посетить разные части твоего мира, – ответил Гандерсен. – Меня особенно интересует Страна Туманов.

– Почему именно она?

– Это место, которое больше всего овладело мной.

– Этого ответа недостаточно, – сказал нилдор.

– Я не могу дать другого.

– Что же так тебя туда тянет?

– Красота гор, возвышающихся в тумане. Солнце в морозный, ясный день. Прекрасный свет лун, золотящий непо потревоженный снег.

– Ты говоришь, как поэт, – заметил Вол'химиор.

Гандерсен не понял, хвалит ли тот его или смеется над ним.

– В соответствии с действующими правилами, – медленно сказал он, – чтобы отправиться в Страну Туманов, мне требуется разрешение многократно рожденного. Я пришел для того, чтобы просить о таком разрешении.

– Ты крайне щепетилен в соблюдении наших законов, мой однажды рожденный друг. Когда-то ты вел себя иначе.

Гандерсен прикусил губу. Он чувствовал, как что-то ползает у него по лодыжке, но заставил себя спокойно смотреть в глаза многократно рожденному.

– Иногда нам трудно понять других, и мы наносим им обиду, сами того не зная, – сказал он, тщательно подбирая слова.

– Это бывает.

– Потом приходит понимание, – продолжал Гандерсен, – и человек сожалеет о поступках, совершенных в прошлом, однако надеется, что его грехи могут быть прощены.

– Прощение зависит от того, насколько глубоко сожаление, – сказал Вол'химиор, – и какие это были грехи.

– Думаю, мои прегрешения тебе известны.

– И не забыты, – заметил нилдор.

– Я также думаю, что ваша вера предусматривает возможность покаяния.

– Да, это так.

– Не позволишь ли ты мне покаяться за грехи против твоего народа как осознанные, так и неосознанные?

– Покаяние за неосознанные грехи бессмысленно, – сказал нилдор. – И нам не нужны извинения. Твое покаяние – твое дело, не наше. Может быть, ты и найдешь его здесь. Я уже замечаю желаемые перемены в твоей душе, и это будет засчитано в твою пользу.

– Значит, ты даешь мне разрешение отправиться на север? – спросил Гандерсен.

– Не так быстро. Остайся пока с нами, будь нашим гостем. Мы должны подумать. Можешь теперь выйти на берег.

Аудиенция была окончена. Гандерсен поблагодарил многократно рожденного за его терпение, довольный, что ему удалось таким образом повести разговор. Он всегда проявлял необходимое уважение в отношении многократно рожденных. Даже империалист эпохи Киплинга был достаточно умным для того, чтобы с уважением относиться к старым предводителям племен. Однако во времена Компании вежливость была показной, поскольку и так было известно, что вся власть находится в руках управляющего Компании, а не какого-то там нилдора, хотя бы и самого старого. Теперь же, конечно, власть принадлежала старому нилдору, и он мог не пустить его в Страну Туманов. Он мог даже считать этот запрет неким поэтичным справедливым приговором. Но, что самое странное, Гандерсен чувствовал, что его нынешнее, полное уважения отношение к многократно рожденному и желание оправдаться искренни и эту искренность Вол'химиор понимает. Гандерсен знал, что не может ввести в заблуждение Вол'химиора, заставив того думать, что бывший чиновник Компании вроде него вдруг охотно унижается перед бывшими жертвами земного колониализма, но, если он не будет хоть в какой-то степени искренним, он лишится всех шансов получить требуемое разрешение.

Внезапно, когда Гандерсен был еще далеко от берега, что-то со страшной силой ударило его между лопаток, и он, оглушенный, захлебываясь, упал лицом в воду.

У него мелькнула мысль, что это Вол'химиор незаметно подкрался и стукнул его хоботом. Подобный удар, нанесенный в неподдельной злобе, вполне мог оказаться роковым. Гандерсен отплеывался и кашлял, во рту было алкогольной жидкости из озера. Он пытался вынырнуть на поверхность, ожидая увидеть над собой старого нилдора, готового нанести последний удар.

Он с трудом открыл глаза. Многократно рожденный стоял вдали и смотрел в другую сторону. В этот момент Гандерсен, ведомый странным предчувствием, погрузил голову в воду,

чудом избежав следующего удара, который мог бы его обезглавить. Скорчившись так, что только нос торчал над поверхностью, он увидел со свистом пролетающее над головой толстое желтое бревно. Одновременно он услышал пронзительный вопль, а по озеру, как от брошенного камня, разошлись круги. Он огляделся вокруг.

Около дюжины сулидоров вошли в воду, чтобы добить малидара. В теле колоссальной твари торчали, словно гарпуны, заостренные колья. Малидар бился и извивался в агонии.

Именно могучий хвост этого животного сбил с ног Гандерсена. Охотники стояли по пояс в воде, их шкуры были мокрыми и грязными. Каждая группа тащила веревку от одного гарпуна, и таким образом они буксировали малидара к берегу. Гандерсену уже ничего не угрожало. Он тяжело дышал, кости, к счастью, не были повреждены, хотя спина болела. В первый раз хвост малидара, видимо, лишь задел его. Если бы он не нырнул, второй удар мог оказаться смертельным. Он чувствовал слабость, нахлебавшись алкогольной воды, и боялся, что у него закружится голова.

Сулидоры вытащили свою добычу. Лишь хвост и толстые перепончатые задние лапы малидара оставались в воде, судорожно подергиваясь. Животное длиной в несколько метров и в две тонны весом лежало на берегу, а сулидоры вонзали в него длинные колья – по одному в передние конечности, два или три в широкую треугольную голову. Несколько нилдоров без особого интереса наблюдали за этой операцией, большинство же вообще не обращали внимания. Остальные нилдоры обгладывали молодые побеги растений, как будто ничего не произошло.

Последний кол перебил хребет животного. Малидар дернулся и затих.

Гандерсен пытался как можно скорее выбраться из воды. Ему нужно было еще преодолеть полосу неприятного, клейкого ила. Наконец он вышел на берег. Здесь ноги внезапно отказали ему, колени подогнулись, и он упал. Его била дрожь, начались приступы кашля и рвоты. Потом он повернулся на бок и смотрел, как сулидоры вырезают большие куски бледно-розового мяса из боков малидара, передавая их друг другу. Из хижин вышли остальные, чтобы тоже принять участие в пиршестве. Гандерсена начало трясти. Он был в шоке, и прошло несколько минут, прежде чем он понял, что это состояние было вызвано не только ударом и водой, которой он нахлебался, но также тем, как спокойно смотрели нилдоры на акт насилия.

Он думал, что спокойные, абсолютно не воинственные существа с ужасом отнесутся к убийству малидара, а их это совершенно не взволновало. Шок Гандерсена был вызван утратой иллюзий.

Подошел сулидор и остановился рядом. Гандерсен с тревогой взглянул на возвышающуюся над ним лохматую фигуру. Сулидор держал в лапах кусок мяса малидара величиной с голову Гандерсена.

– Это тебе, – сказал он на языке нилдоров. – Поешь с нами?

Не ожидая ответа, он бросил кусок мяса на землю и отошел к своим собратьям. Желудок Гандерсена подкатил к горлу. Ему вовсе не хотелось сырого мяса, особенно сейчас. На берегу внезапно наступила тишина.

За ним наблюдали все – сулидоры и нилдоры.

Глава пятая

Гандерсен, шатаясь, поднялся на ноги, вдохнул полной грудью теплый воздух и, стараясь выиграть хотя бы немного времени, подошел к берегу, чтобы ополоснуть лицо. Он нашел свою брошенную одежду, и, одеваясь, протянул еще несколько минут. Чувствовал себя он уже немного лучше, однако проблема сырого мяса оставалась. Сулидоры наслаждались пиршеством, терзали и рвали мясо, обглаживали кости и часто с интересом поглядывали на него, как он отнесется к их приглашению. Нилдорам, которые, естественно, сами к мясу даже не прикасались, тоже было любопытно, как он поступит. А если он откажется есть мясо – обидит ли он этим сулидоров? А если съест – не окажется ли он в глазах нилдоров диким зверем? Гандерсен решил, что все же лучше съесть кусочек – как жест доброй воли по отношению к грозно выглядевшим двуногим созданиям. Нилдор в конце концов, похоже, не беспокоил вид сулидоров, пожирающих мясо, почему бы и землянину, известному хищнику, не сделать то же самое?

Ладно, он съест мясо, но так, как пристало землянину. Он сорвал несколько широких листьев водяных растений, расстелил их, как коврик, и положил на них мясо. Потом достал из кармана лучемер, поставил его на среднюю мощность и обжигал поверхность мяса, пока оно не прожарилось, затем узким лучом разрезал его на кусочки. Он сел, скрестив ноги, взял ломтик и откусил. Мясо было мягкое, похожее на сыр, проросшее толстыми хрящами. Усилием воли Гандерсен заставил себя проглотить три куска. Почувствовав, что с него хватит, он встал, с благодарностью поклонился сулидорам и присел у берега озера, чтобы зачерпнуть немного воды и запить угощение. За все это время никто не произнес ни слова и не подошел к нему.

Смеркалось. Нилдоры вышли из воды и встали группами вдали от берега. Шумное пиршество сулидоров продолжалось, но оно уже подходило к концу, к ним присоединилось несколько небольших зверьков – пожирателей падали, которые обрабатывали заднюю часть тела малидара, пока сулидоры приканчивали другую половину.

Гандерсен огляделся в поисках Срин'гахара, чтобы задать ему несколько вопросов. Его беспокоило, что нилдоры столь безразлично отнеслись к убийству в озере. Он всегда считал нилдоров более благородными, чем другие крупные создания на этой планете, поскольку нилдоры могли лишиться кого-либо жизни только в том случае, если на них нападали, и то не всегда. В его понимании это была разумная раса, свободная от каинова греха. Отсюда следовал очевидный вывод: нилдоры, поскольку сами не убивают, будут рассматривать убийство как факт, достойный осуждения. Теперь же он убедился, что его рассуждения были ошибочны и даже наивны. Нилдоры не убивают просто потому, что не едят мяса. Но моральное превосходство, которое он им в связи с этим приписывал, оказалось лишь плодом его обремененного чувством вины воображения.

Ночь наступила внезапно, как обычно в тропиках. Темноту нарушала лишь одна луна. Гандерсен заметил нилдора, которого принял за Срин'гахара, и подошел к нему.

– У меня есть вопрос, Срин'гахар, мой любезный попутчик, – начал он. Когда сулидоры вошли в воду...

– Ты ошибся, – спокойно сказал нилдор. – Я Тхали'ванум, трижды рожденный.

Гандерсен пробормотал извинение и смущенно отошел в сторону. Типично земная ошибка, подумал он. Он вспомнил, что его бывший шеф тоже постоянно путал одного нилдора с другим и злился: «Не могу отличить друг от друга этих больших ублюдков! Почему они не носят каких-нибудь меток?» Какой позор – не уметь различать туземцев! Гандерсен всегда ставил себе в заслугу то, что избегал подобных ошибок. А теперь, когда ему так было нужно снискать их расположение...

Он подошел к другому нилдору и в последний момент понял, что это тоже не Срин'гахар. На третий раз он в конце концов нашел своего спутника. Срин'гахар спокойно лежал под деревом, подогнув ноги. Гандерсен наконец задал мучивший его вопрос.

– Почему нас должен потрясать вид насильственной смерти? – ответил Срин'гахар. – В конце концов у малидаров нет г'ракх, а сулидорам нужно есть.

– Нет г'ракх? – удивился Гандерсен. – Не знаю такого слова.

– Это определенное свойство, которое отличает существ, имеющих душу, пояснил нилдор. – Без г'ракх ты всего лишь животное.

– У сулидоров есть г'ракх?

– Естественно.

– И у нилдоров, конечно, тоже. А у малидаров нет. А у землян?

– Но ведь совершенно ясно, что у землян есть г'ракх.

– И можно свободно убивать существ, которые не обладают этим свойством?

– Если возникнет такая необходимость, то можно, – ответил Срин'гахар. – Это же так просто. Разве в вашем мире не существует такого понятия?

– В моем мире, – ответил Гандерсен, – существует лишь один вид, обладающий г'ракх, и поэтому, может быть, мы уделяем этим проблемам мало внимания. Мы считаем, что все, кто не принадлежит к нашему виду, лишены г'ракх.

– Значит, именно поэтому, когда вы оказываетесь в другом мире, вам трудно определить, есть ли г'ракх у других существ? – сказал Срин'гахар. Можешь не отвечать, я понимаю.

– Можно еще вопрос? – продолжал Гандерсен. – Что здесь делают сулидоры?

– Мы позволяем им здесь быть.

– Раньше, когда Компания управляла Белзагором, сулидоры никогда не покидали Страну Туманов.

– Тогда мы не разрешали им приходить сюда.

– А теперь разрешаете. Почему?

– Потому что теперь это не доставляет нам хлопот. Раньше были трудности.

– Какие трудности? – допытывался Гандерсен.

– Тебе нужно спросить об этом кого-то, кто был рожден больше раз, чем я, – мягко ответил Срин'гахар. – Я – лишь однажды рожденный, и многое кажется мне странным, так же как и тебе. Смотри, уже вторая луна! Когда взойдет третья, мы будем танцевать.

Гандерсен поднял взгляд и увидел небольшой белый диск, быстро двигавшийся над вершинами деревьев. Пять лун Белзагора вращались по разным орбитам – ближайшая у самой границы Роша, самая дальняя же едва была видна. На ночном небе обычно светили только две или три луны. Орбиты четвертой и пятой лун были настолько вытянуты, что на большей части планеты эти луны вообще не были видны, а в оставшейся зоне появлялись не более трех-четырёх раз в год. В одну ночь каждого года все пять лун можно было увидеть вместе, но только в пределах десятикилометровой полосы, шедшей под углом в сорок градусов к экватору с северо-востока на юго-запад. Гандерсен видел Ночь Пяти Лун лишь единственный раз в жизни.

Нилдоры начали перемещаться в сторону озера. Появилась третья луна, двигаясь с юга на север.

Значит, он снова увидит, как они танцуют. Один раз ему уже пришлось наблюдать эту церемонию – в начале его карьеры, у Водопадов Шангри-Ла, в северных тропиках. В ту ночь нилдоры собрались по обоим берегам реки Мэдден, и в течение нескольких часов после наступления темноты сквозь рев водопада доносились их крики. Курц, который тогда работал в Шангри-Ла, предложил посмотреть «это представление» и повел Гандерсена в ночную темноту. Это было за шесть месяцев до эпизода на биостанции, и Гандерсен тогда еще не был знаком со странностями Курца. Однако он быстро понял это, как только Курц присоединился к тан-

цующим нилдорам. Огромные существа, встав полукругами, двигались вперед и назад, пронзительно трубя и топая так, что отдавалось эхом. И вдруг Курц оказался среди них. На его обнаженной груди в свете луны блестели капли пота. Он танцевал самозабвенно. Так же как нилдоры, он ревел, топал ногами, подбрасывал вверх руки, крутился и подпрыгивал. Нилдоры окружили его, оставив, однако, достаточно места, чтобы он мог продолжать свой безумный танец. Они приближались к нему и отдалялись, и возникало впечатление некой пульсации, как будто сжималась и разжималась какая-то дикая мощь. Гандерсен стоял, охваченный непонятным страхом, и не пошевелился, когда Курц крикнул, чтобы он присоединился к нему. Он смотрел, и ему казалось, что проходят часы. Он чувствовал себя, как загипнотизированный топотом танцующих нилдоров. Наконец ему удалось преодолеть транс, и он поискал взглядом Курца; тот продолжал дергаться, как марионетка, которую тянут за невидимые нити, и, несмотря на свой высокий рост, выглядел среди нилдоров жалкой, хрупкой фигуркой. Курц не слышал Гандерсена и не обращал на него внимания. В конце концов Гандерсен один вернулся в дом и лишь утром нашел изможденного и утомленного Курца, который сидел на скамейке, глядя на водопад.

– Ты должен был остаться. Ты должен танцевать, – прошептал Курц.

Гандерсен знал, что обряды нилдоров изучались, и обратился к литературе, чтобы выяснить подробности. Танец явно был связан с каким-то сюжетом и имел некоторые черты, подобные земным средневековым таинствам. Это была инсценировка какого-то неизмеримо важного мифа нилдоров, являвшаяся одновременно развлечением и способом достижения религиозного экстаза. Содержание этой драмы, к сожалению, было изложено древним молитвенным языком, ни одно слово которого не было известно землянам. Хотя нилдоры без сопротивления учили первых пришельцев с Земли своему относительно простому современному языку, они никогда не сообщали ничего, что могло бы послужить ключом к пониманию древнего языка. Ученые также отмечали один факт, который Гандерсена очень заинтересовал: дело в том, что всегда, в течение нескольких дней после совершения обряда, группы нилдоров из стада, участвовавшего в ритуальном танце, отправлялись в Страну Туманов – вероятно, для того, чтобы пройти повторное рождение. Гандерсен думал о том, не является ли этот обряд какой-то предшествующей ему очистительной церемонией.

Все нилдоры собрались у озера. Срин'гахар пришел последним. Присев на берегу, Гандерсен наблюдал за огромными созданиями. Луны, двигавшиеся в противоположных направлениях, создавали причудливые тени, и их холодный свет превращал зеленоватые шкуры нилдоров в складчатые черные одеяния. Слева от него возле своих хижин сидели на корточках сулидоры. Они не допускались к участию в церемонии, но, очевидно, смотреть им разрешалось.

В наступившей тишине раздался низкий, отчетливый голос. Гандерсен пытался понять значение слов, надеясь, что это даст ему магический ключ к пониманию таинственного языка. Но он ничего не понимал. Говорил Вол'химиор, многократно рожденный старец. Он произносил слова, хорошо известные всем собравшимся у озера – может быть, какое-то воззвание, а может быть, молитву. Потом наступила долгая пауза, а затем отозвался второй нилдор, с другого конца группы, с точно такой же интонацией и в таком же ритме, как и Вол'химиор. Снова наступила тишина, пока вновь не послышался голос Вол'химиора, на этот раз более громкий. Торжественный диалог продолжался. Время от времени все стадо повторяло их слова, эхом отражавшиеся от черного занавеса ночи.

Прошло минут десять, и раздался голос третьего нилдора. Вол'химиор ответил. В свою очередь, заговорил четвертый. А потом внезапно к ним присоединились голоса многих собравшихся, причем каждый интуитивно знал, когда ему говорить, а когда молчать. Темп переговоров становился все быстрее. Церемония превратилась в мозаику из коротких фраз, поочередно раздававшихся в разных концах группы. Некоторые нилдоры начали раскачиваться и переступать с ноги на ногу.

Вспышка молнии осветила небо. Гандерсену внезапно стало холодно, несмотря на душный воздух. Он представил, будто он – одинокий путник где-то на Земле, в доисторическую эпоху, и наблюдает за стадом мастодонтов. Разыгрывающаяся перед его глазами драма достигла кульминации. Все человеческие проблемы стали так далеки, что с ними можно было не считаться. Нилдоры ревели, топали ногами, призывали друг друга и фыркали. Вскоре они начали собираться и вставать рядами. Призывы и ответы продолжались, как странный, непонятный фон. Стало еще более душно. Гандерсен уже не различал отдельных голосов, он слышал лишь низкие аккорды всеобщего фыркания: *ах, ах, ах, ах; ах, ах, ох, ах* – в такт старому ритму, который он помнил еще с той ночи у Водопадов Шангри-Ла. Нилдоры не знают музыкальных инструментов, однако Гандерсен будто слышал бой мощных барабанов: ритмичный, интенсивный, гипнотизирующий. *Ах, ах, ах, ах. Ах, ах, ах, ах. АХ, АХ, АХ, АХ. АХ, АХ, АХ, АХ!* Это было тяжелое дыхание, как в экстазе, бесконечный ряд вдохов: *ах, ах, ах, ах; ах, ах, ах, ах* – с едва заметной паузой между группами из четырех звуков, казалось, все джунгли отвечают эхом.

И нилдоры танцевали.

Внизу у берега озера двигались большие массивные тени, двигались, как газели, – два быстрых шага вперед, один шаг с притопом назад, и четвертый, чтобы удержать равновесие. Бум, бум, бум, бум; бум, бум, бум, бум, казалось, вздрагивала вся Вселенная. Начальная фаза церемонии, драматический диалог, который мог быть какой-то философской беседой, окончательно сменилась первобытным ритмом и чудовищными перемещениями колоссальных словных тел. Бум, бум, бум, бум. Гандерсен взглянул налево и увидел, что суилдоры, будто в трансе, покачивают головами вперед и назад в такт танца. Ни один из них, однако, не поднялся. Им достаточно было кивать, раскачиваться и время от времени бить лапами по земле.

Гандерсен почувствовал себя полностью оторванным от прошлого и от своей человеческой сущности, утратил осознание принадлежности к своему виду. Он помнил лишь какие-то отрывочные, не связанные между собой образы. Он снова находился на биостанции, отравленный ядом, и испытывал галлюцинации: он чувствовал, что превратился в нилдора и бродит по лесу или стоит на берегу большой реки и смотрит на те самые танцы. И еще он вспоминал ночи, проведенные на безопасных станциях Компании, среди ему подобных, когда вдали слышался топот тяжелых ног. Каждый раз Гандерсен отказывался от того, что предлагала ему эта странная планета. Он предпочел уйти с биостанции, нежели во второй раз попробовать яд; он отказался от приглашения Курца присоединиться к танцующим нилдорам; он всегда оставался в помещении, когда из джунглей начинал доноситься ритмичный топот. Но сейчас он почти не ощущал своей принадлежности к роду человеческому.

Его неумолимо тянуло черное, непонятное безумие на берегу озера. Нечто чудовищное словно возникло внутри его и росло вместе с неустанно повторявшимися отзвуками – бум, бум, бум, бум. Но имел ли он право, как Курц, присоединиться к чужому обряду? Он не осмеливался внести смятение в торжественный ритуал.

Внезапно он осознал, что спускается по болотистому склону в сторону безумствующих нилдоров. Если бы он мог считать их подпрыгивающими, фыркающими слонами, все было бы в порядке. Если бы даже он мог считать их дикарями, совершающими некий обряд, все тоже было бы в порядке. Но в его душу закралось подозрение, что вся церемония, все слова и танцы играют существенную роль для нилдоров, и это было хуже всего. Их толстые ноги, короткие шеи и свисающие хоботы отнюдь не делали их слонами – из-за тройных бивней, гребней на голове и прочих анатомических отличий. И, хотя они не знали никакой технологии, не знали письменности, их нельзя было считать дикарями, поскольку этого не позволял уровень их интеллекта. Они были существами, обладающими г'ракх. Гандерсен вспомнил, с какой наивностью пытался передать нилдорам завоевания земной культуры. Он хотел их очеловечить, поднять на более высокий уровень, но ничего из этого не вышло; он обнаружил, что душа

его стремится... вниз?... к их уровню, где бы тот ни располагался. Бум, бум, бум, бум. Его ноги после некоторых колебаний стали на ходу отбивать этот ритм, пока он шел по склону к озеру. Осмелится ли он? А может быть, они просто растопчут его, как совершившего святотатство?

Курцу они позволяли танцевать. Это было в других широтах, давно, и нилдоры были другие, но Курцу позволяли танцевать.

– Эй! – позвал его какой-то нилдор. – Идем, потанцуем с нами!

Был ли это Вол'химиор? Или Срин'гахар? А может, Тхали'ванум, трижды рожденный? Гандерсен не знал, кто его позвал. В темноте, в густом тумане трудно было различить гигантские, почти одинаковые силуэты. Он уже спустился до самого конца склона. Его окружали нилдоры, ходившие туда и обратно по собственным тропинкам на берегу озера. Тела их издавали кислый запах, от которого, смешанного с испарениями, Гандерсену было тяжело дышать, и у него кружилась голова.

– Да, да, иди, танцуй с нами.

И он начал танцевать. Он нашел себе кусочек мокрой земли и завладел им. Он утаптывал его в диком экстазе. Он двигался вперед, потом назад. Нилдоры не вторгались на его территорию.

Гандерсен тряс головой, вращал глазами, руки его дрожали, тело изгибалось и раскачивалось, а сам он не переставал подскакивать и подергиваться. Он набирал в легкие воздуха и выкрикивал что-то на чужих, неизвестных ему языках. Кожа его горела, он сбросил одежду, но и это не помогло. Бум, бум, бум, бум. Даже сейчас его не оставила полностью давняя привычка смотреть на все со стороны, так что он мог с изумлением наблюдать, как он танцует голый посреди стада гигантских инопланетных животных. Могут ли они в своей безумной страсти вторгнуться на его территорию и втоптать его в грязь? Остаться здесь, посреди стада, наверняка было небезопасно. Но он остался. Бум, бум, бум, бум, и снова, и еще раз. Кружась так, он заметил в смутном свете луны над озером, как малидары спокойно жевали траву, не обращая ни малейшего внимания на обезумевших нилдоров. У них нет г'ракх, подумал он. Это настоящие животные, и их тяжелые, как свинец, души сойдут вниз, в землю.

Бум, бум, бум, бум. Бум. Бум. БУМ. Бум.

Гандерсен вдруг увидел, что какие-то гладкие, блестящие существа ползают и проскальзывают между ногами нилдоров. Змеи! Ритмичная музыка выманила их из глубины зарослей. Нилдоров вовсе не беспокоило, что смертельно ядовитые твари ползают среди них. А ведь один укол их острых игл мог свалить каждого из них с ног. Змеи поползли в сторону Гандерсена, который знал, что их яд для него не опасен; но у него не было желания еще раз его попробовать. Он не прерывал танца, несмотря на то что пять толстых розовых тварей извивались вокруг него. Однако они его не тронули.

Змеи появились и исчезли. Топот все еще продолжался, земля все еще сотрясалась. Сердце Гандерсена стучало, как молот, но он не останавливался. Он танцевал. Он весь отдался, слился с теми, кто его окружал, делил с ними их ощущения так глубоко, так интенсивно, как только был в состоянии.

Луны зашли. Небо начало розоветь. Гандерсен осознал, что уже не слышит топота ног танцующих нилдоров. Он танцевал один. Нилдоры легли вокруг, но все еще продолжали свою странную, непонятную молитву приглушенными голосами. Он не мог различить отдельные слова, они сливались во всепроникающую ритмичную мелодию. В такт этой мелодии он кружился, извивался, не в силах остановиться.

Лишь ощутив тепло первых лучей солнца, он упал без сил. Он лежал не двигаясь и мгновение спустя погрузился в глубокий сон.

Глава шестая

Когда он проснулся, был уже полдень. Вокруг шла обычная жизнь: часть нилдоров бродила в озере, некоторые паслись на склоне, но большинство отдыхали в тени. Единственным следом безумной ночи оставалась истоптанная земля на берегу озера.

Гандерсену было не по себе. Ему казалось, что он чересчур беззастенчиво включился в чужую игру, и трудно было поверить в то, что он делал. Он ощутил стыд и внезапное желание немедленно покинуть стойбище, прежде чем нилдоры выкажут ему свое презрение, – надо же, землянин, а оказался захвачен их обрядами, дал себя очаровать их заклинаниями! Однако он отбросил эту мысль, помня стоящую перед ним цель – путешествие в Страну Туманов.

Он потащился к озеру и окунулся в воду, чтобы смыть пот после минувшей ночи, потом вышел на берег и оделся.

К нему подошел какой-то нилдор и сказал, что с ним хочет говорить Вол'химиор.

Многokrатно рожденный стоял на середине склона. Приближаясь к нему, Гандерсен не мог подобрать соответствующую форму приветствия и потому просто ждал, смущенно глядя на старого нилдора.

– Ты хорошо танцуешь, мой однажды рожденный ДРУГ, – заговорил Вол'химиор. – Ты танцуешь с радостью. Танцуешь с любовью. Танцуешь, как нилдор, – ты знаешь об этом?

– Мне трудно понять, что со мной произошло прошлой ночью, – ответил Гандерсен.

– Ты доказал, что наш мир овладел твоей душой.

– Для вас не было унижительным, что землянин танцует среди вас?

– Если бы так было, – просто сказал Вол'химиор, – ты бы с нами не танцевал.

Наступила долгая пауза.

– Мы с тобой заключим договор, – наконец сказал нилдор. – Я дам тебе разрешение на путешествие в Страну Туманов. Ты сможешь оставаться там сколько захочешь. Но, когда ты вернешься, ты приведешь с собой землянина, известного под именем Каллен, и передашь его первым нилдорам, которых встретишь. Согласен?

– Каллен? – спросил Гандерсен. В его памяти возник образ невысокого человека с широким лицом, густыми светлыми волосами и добрыми зелеными глазами. – Седрик Каллен, который жил здесь тогда же, когда и я?

– Тот самый.

– Он работал вместе со мной на станции в Море Песка.

– Сейчас он живет в Стране Туманов, – сказал Вол'химиор. – Он отправился туда без разрешения. Мы хотим получить его.

– Что он такого сделал?

– Он совершил тяжкое преступление, а теперь нашел убежище среди сулидоров, поскольку там нам до него не добраться. Если бы мы вытащили его оттуда сами, это нарушило бы наше соглашение с ними. Но мы можем попросить об этом тебя.

Гандерсен нахмурился.

– Ты не мог бы сказать мне, в чем заключается его преступление?

– А разве это имеет значение? Он нам нужен, и отнюдь не по пустяковым причинам. Мы просим тебя доставить его к нам.

– Вы требуете, чтобы один землянин схватил другого и передал его вам, чтобы вы его наказали? – удивился Гандерсен. – Откуда я могу знать, на чьей стороне справедливость?

– Разве в соответствии с договором о передаче власти мы не единственные судьи на этой планете?

Гандерсену пришлось согласиться.

– В таком случае мы имеем право поступить с Калленом так, как он этого заслуживает, – заявил Вол'химиор.

Это, естественно, не убедило Гандерсена в том, что он должен стать орудием в руках нилдоров и выдать им своего старого друга. Угроза Вол'химиора была, однако, совершенно ясна: или делай, что говорим, или не жди от нас никакого снисхождения. Все же Гандерсен спросил:

– Какое наказание ожидает Каллена?

– Наказание? Кто говорит о наказании?

– Если этот человек – преступник...

– Мы хотим его только очистить, – сказал многократно рожденный. – Мы хотим освободить его душу от греха. Мы не считаем это наказанием.

– Ему будут причинены физические страдания?

– Это просто невыносимо.

– Вы лишите его жизни?

– Как тебе пришло такое в голову? Нет, конечно.

– Вы лишите его свободы?

– Он будет содержаться под стражей, – ответил Вол'химиор, – все время, пока будет продолжаться ритуал очищения. Не думаю, что это надолго. Потом его немедленно освободят, и он еще будет нам благодарен.

– Еще раз прошу тебя, скажи, какое он совершил преступление?

– Он сам тебе скажет, – ответил нилдор. – Совершенно необязательно, чтобы я делал это за него.

Гандерсен некоторое время обдумывал возникшую проблему.

– Я согласен, о многократно рожденный, – наконец сказал он, – но в том случае, если смогу поставить некоторые условия.

– Говори, я слушаю.

– Если Каллен не откроет мне, в чем заключается его преступление, я буду свободен от обязательства передать его вам.

– Согласен.

– Если сулидоры будут против того, чтобы я забрал Каллена из Страны Туманов, я тоже свободен от этого обязательства.

– Они не будут против, но я согласен.

– Если потребуются применить силу, чтобы доставить сюда Каллена, я тоже свободен.

Нилдор поколебался.

– Согласен, – наконец сказал он.

– Никаких других условий у меня нет.

– Ну что ж, договорились, – сказал Вол'химиор. – Можешь уже сегодня отправляться в свое путешествие на север. Пятеро наших однажды рожденных тоже отправятся в Страну Туманов, поскольку пришло время их повторного рождения, и, если пожелаешь, они будут сопровождать и охранять тебя в пути. Среди них Срин'гахар, которого ты знаешь.

– Мое присутствие не будет для них обременительным?

– Срин'гахар специально просил, чтобы ему была оказана честь охранять тебя, – сказал Вол'химиор. – Однако мы не будем настаивать, чтобы ты принял его помощь, если ты предпочитаешь совершить путешествие в одиночку.

– Я буду весьма рад его обществу, – вежливо ответил Гандерсен.

– Значит, так тому и быть.

Старик позвал Срин'гахара и четырех остальных нилдоров. Сведения, известные Гандерсену, подтвердились еще раз: после безумного танца отправлялась в путь группа нилдоров, которым предстояло пережить повторное рождение.

Он был доволен, что в пути на север его будут сопровождать нилдоры. Угнетало лишь одно – проблема Седрика Каллена. Он даже жалел, что купил себе безопасность в пути ценой свободы другого землянина. Но, может быть, Каллен действительно совершил нечто, заслуживавшее наказания или очищения, как это назвал Вол'химиор. У Гандерсена не умещалось в голове, что этот нормальный, доброжелательный человек мог стать преступником и беглецом. Каллен, правда, жил здесь очень долго, а известно, что странные, необычные условия, царящие на чужих планетах, могут разрушить самую благородную личность. Во всяком случае, он был рад, что оставил себе путь к отступлению на случай, если ему придется нарушить договор с Вол'химиором.

Срин'гахар и Гандерсен отошли в сторону, чтобы обсудить маршрут.

– Куда именно в Стране Туманов ты направляешься? – спросил нилдор.

– У меня нет определенной цели, но я полагаю, что должен буду найти Каллена.

– Да. К сожалению, мы не знаем в точности, где он находится. Нужно будет выяснить. Ты хотел бы посетить какие-то определенные места по пути на север?

– Я хотел бы заглянуть туда, где живут земляне, – ответил Гандерсен. Особенно к Водопадам Шангри-Ла. Я думаю, мы пойдем вверх по течению реки Мэдден на северо-запад и...

– Эти названия мне незнакомы.

– Извини. Сейчас, конечно, возвращены названия на языке нилдоров, а их я, в свою очередь, не знаю.

Но подожди...

Он схватил палку и поспешно набросал на илистой земле довольно разборчивую карту западного полушария Белзагора. Посередине он нарисовал широкую полосу тропиков, справа очертил кривой линией берег океана, слева Море Песка; выше и ниже тропического пояса он обозначил более тонкими линиями северную и южную зоны туманов, а за ними отметил гигантские полярные ледяные шапки. Он пометил крестиками космопорт и отель на побережье и провел извилистую линию от этого места через тропики в северную Страну Туманов, изобразив реку Мэдден. Примерно в середине реки он поставил точку, обозначающую Водопады Шангри-Ла.

– Если ты будешь следить за концом моей палки, – пояснил Гандерсен, то...

– Что это за знаки ты нарисовал на земле? – спросил Срин'гахар.

– Это карта вашей планеты, – хотел сказать Гандерсен. Но он не знал слова «карта» на языке нилдоров. Он также не знал, как сказать «изображение», «картина», ему не хватало многих слов.

– Это твой мир, – пытался он объяснить, – это Белзагор, по крайней мере его половина. Видишь, это океан, а солнце восходит здесь, и...

– Как же эти значки могут быть моим миром, если мой мир столь огромен?

– Это как бы мир. Каждая из этих линий, каждый знак соответствует какому-то настоящему месту. Видишь? Это большая река, которая течет из Страны Туманов до самого побережья, где стоит отель, видишь? А этот знак космопорт. Эти две линии ограничивают северную Страну Туманов. А это...

– Даже очень сильному сулидору нужно шагать много дней, чтобы пересечь северную Страну Туманов, – сказал Срин'гахар. – Не понимаю, как ты можешь показывать мне такой маленький кусочек и говорить, что это Страна Туманов. Прости меня, мой любезный попутчик. Я слишком глуп.

Гандерсен, как мог, старался объяснить ему значение нарисованных символов, но Срин'гахар был просто не в состоянии понять, что такое карта. Гандерсен подумал, не попросить ли о помощи Вол'химиора, но отказался от этой мысли, поскольку старый нилдор тоже мог не понять, а было бы слишком бестактно обнаруживать невежество многократно рожденного в

какой-либо области. Карта – это метафора, абстракция. Видимо, даже существам, обладающим г'раках, она может быть непонятна. Он извинился перед Срин'гахаром и стер ботинком карту.

Оказалось, что и без нее – естественно, с большими трудностями – им удалось как-то объясниться. Гандерсен узнал, что большая река, у устья которой располагался отель, называется на языке нилдоров Серан'ни, и что место, где эта река спускается с гор на прибрежную равнину, известное землянам как Водопады Шангри-Ла, по-нилдорски называется Ду'джаюх. Потом уже легко было договориться, что нужно двигаться в направлении истока Серан'ни и остановиться в Ду'джаюх и в других селениях землян, которые окажутся на пути, ведущем к северу.

Пока они обсуждали предстоящее путешествие, несколько сулидоров принесли Гандерсену запоздавший завтрак из плодов и рыбы, совсем так, как будто они признали его авторитет чиновника Компании. Это был удивительно странный жест, словно они ему прислуживали, ничем не напоминая того, как они швырнули ему вчера кусок сырого мяса малидара. Тогда они хотели его испытать, может быть, даже унижить, а теперь оказывали ему почести. Гандерсен чувствовал себя несколько неловко, но был голоден, поэтому лишь спросил Срин'гахара, как сказать по-сулидорски «спасибо». Однако могучие двуногие создания не были ни польщены, ни удивлены тем, что к ним обращаются на их родном языке.

Ближе к вечеру они отправились в путь. Пятеро нилдоров шагали друг за другом, Срин'гахар с Гандерсеном на спине замыкал группу, казалось, землянин ни в малейшей степени не обременял его. Тропа, ведущая на север, шла по краю огромного ущелья, слева вздымались горы, ограничивавшие центральное плоскогорье. Солнце заходило. Гандерсен смотрел в сторону гор. Здесь, в долине, пейзаж выглядел достаточно привычно, и, если бы не растения и животные, существовавшие только на этой планете, можно было бы предположить, что он находится во влажных джунглях Южной Америки. В то же время плоскогорье выглядело совершенно чужим. Гандерсен разглядывал спутанные клубки утыканного иголками пурпурного мха, свисавшего с деревьев, росших вдоль края ущелья. Деревья выглядели весьма удручающе, истощенные обильно гнездящимися на них паразитами. Зеленовато-серая каменная стена, испещренная алыми пятнами лишайников и распухшими синими грибами, явно принадлежала к другому миру: мягкий минерал никогда не подвергался воздействию дождевых капель, над ним поработала лишь постоянная влажность воздуха, в течение тысячелетий создавая замысловатые узлы и пустоты. Нигде на Земле невозможно было встретить подобную каменную стену – извилистую, покрытую наростами, маслянистую.

Лес за скалистой стеной выглядел неприступно и зловеще. Царившая тишина, душный и влажный воздух, ощущение жуткой чужеродности, гибкие, блестящие ветви деревьев, склонившиеся до самой земли под тяжестью мха, отдаленное рычание какого-то крупного зверя – из-за всего этого центральное плоскогорье казалось отталкивающим и враждебным. Эта местность никогда не была полностью исследована, поскольку лишь немногие земляне отваживались туда отправиться. У Компании когда-то были планы выкорчевать большие участки джунглей и основать сельскохозяйственные поселения, но ничего из этого не вышло – планета перестала ей принадлежать.

Гандерсен был здесь лишь один раз и то случайно, когда по пути из Управления, находившегося на побережье, в Страну Песка пришлось совершить вынужденную посадку. Тогда вместе с ним была Сина. Они провели целые сутки в лесу. Сина была страшно напугана, он пытался подбодрить ее, как подобает мужчине, но страх охватил и его. Со смешанным чувством восхищения и ужаса они смотрели, как бесчисленная армия насекомых со светящимися шестиугольными телами и длинными волосатыми ногами с маниакальным упорством преодолевает заросли тигрового мха; в течение часов страшные пасти хищных растений разрывали сверкающих насекомых на части и поглощали их, но те непреклонно стремились вперед, навстречу своей гибели. Наконец мох настолько пресытился, что начал раздвигаться и выбрасывать в воз-

дух молочно-белые облачка спор. К утру весь мох лежал сплюснутый и беспомощный, и крошечные зеленые рептилии с широкими шершавыми языками пожирали его, оголяя почву для следующего поколения растительности. Пушистые красно-синие бесформенные твари, свисавшие с высоких деревьев, ловили неосторожных летающих существ. Толстокожие звери величиной с носорога, головы которых были украшены голубыми зубчатыми рогами, выкапывали из земли корни в десятке метров от их лагеря, бросая злобные взгляды на пришельцев с Земли. Длинноногие травоядные с красными глазами обрывали листья с верхних ветвей, выбрасывая потоки пурпурной жидкости из отверстий у основания их напряженных горл. Толстые создания с темным мехом, напоминающие выдр, со стрекотанием бегали вокруг заблудившихся землян, пытаясь стащить все, что подвернется. Их навели и другие животные. Эти места, никогда не знавшие охотников, изобиловали крупными млекопитающими. В течение одних суток они с Синой увидели намного больше чудес, чем предполагали, когда заключали контракт на службу вне Земли.

– Ты был здесь когда-нибудь? – спросил Гандерсен Срин’гахара, когда на ущелье начала опускаться ночь.

– Никогда. Мои соплеменники редко посещают эти края.

– Несколько раз, пролетая низко над плоскогорьем, я видел стойбища нилдоров. Не часто, но случалось. Хочешь сказать, что твои сюда уже не приходят?

– Нет, – ответил Срин’гахар. – Иногда кто-то ощущает потребность идти на плоскогорье, но большинство – нет. Иногда чья-то душа увядает, и нужно сменить обстановку. Если кто-то еще не готов к повторному рождению, он тоже отправляется на плоскогорье. Здесь легче взглядеться в свою душу и постичь ее беды. Тебе понятно то, что я говорю?

– Думаю, да, – сказал Гандерсен. – Это как бы место паломничества, место очищения?

– В некотором смысле.

– Почему же, однако, нилдоры не поселились здесь постоянно? Здесь множество пищи... теплый климат...

– Это не то место, где царит г’ракх, – ответил нилдор.

– А, значит, это опасно для нилдоров? Дикая звери, ядовитые растения или что-то в этом роде?

– Нет, я бы так не сказал. Мы не боимся этой равнины, и вообще в этом мире нет такого места, которое было бы для нас опасно. Однако плоскогорье нас не интересует – за исключением тех, о ком я говорил. Г’ракх чужд этим краям, зачем же нам здесь поселиться? Нам хватает места и на равнинах.

Даже им чуждо это плоскогорье, думал Гандерсен. Они предпочитают обитать в джунглях. Странно... Ночью они разбили лагерь возле горячего источника, бывшего из подземного котла. Таких котлов было много в этой части континента. Вода, розовая от живших при высокой температуре микроорганизмов, бурлила и кипела, а над ней вздымались клубы пара. Гандерсен подумал, не выбрал ли Срин’гахар это место для стоянки специально из-за него, поскольку нилдоры не пользуются горячей водой, а землянам она нужна постоянно.

Он вымыл лицо, что доставило ему ни с чем не сравнимое удовольствие, и приготовил себе ужин из питательных таблеток, свежих плодов и корней зеленых ягод – великолепных на вкус, если их отварить, но иначе ядовитых. Потом Гандерсен достал из рюкзака легкий, но прочный тент, натянул его на треножник из веток, чтобы защититься от ночных насекомых, и забрался под него. Земля, густо покрытая травой, послужила неплохим матрасом.

Нилдоры, казалось, не были склонны к разговорам и оставили его одного. Все, кроме Срин’гахара, удалились на несколько сотен метров вверх по ручью. Срин’гахар, охранявший Гандерсена, лег неподалеку и пожелал ему спокойной ночи.

– Ты не хотел бы немного поговорить? – спросил Гандерсен. – Мне было бы интересно узнать кое-что о повторном рождении. Откуда вы, например, знаете, что пришло его время?

Это какое-то внутреннее ощущение или это просто связано с достижением определенного возраста? Вы...

В этот момент Гандерсен понял, что Срин'гахар его вовсе не слушает. Нилдор впал в подобие глубокого транса и лежал без движения.

Гандерсен пожал плечами, повернулся на бок и попытался заснуть. Однако сон долго не шел. Он начал размышлять об условиях, на которые вынужден был согласиться, чтобы иметь возможность предпринять это путешествие. Может быть, какой-нибудь другой многократно рожденный позволил бы ему отправиться в Страну Туманов, не требуя взамен доставить Седрика Каллена; может быть, его бы не пропустили вообще. Однако он подозревал, что результат был бы тот же независимо от того, в какое стойбище нилдоров он обратился бы за разрешением. Хотя нилдоры не владели способностью общаться на расстоянии, не имели никаких государственных структур в земном понимании и между ними было не больше связей, чем внутри популяции животных в джунглях, однако каким-то непонятным образом они могли контактировать друг с другом и проводить общую политику.

«Что же такого мог натворить, Каллен, – думал Гандерсен, – что им так важно его разыскать?»

В прежние времена Каллен выглядел вполне нормальным: веселый, дружелюбный рыжеволосый парень, который собирал насекомых, никогда не ругался и не напивался. Двенадцать лет назад, когда Гандерсен был начальником станции в Файр-Пойнт на Море Песка, Каллен работал у него помощником. Целыми месяцами они были одни, и Гандерсен считал, что достаточно хорошо его знает. Каллен не собирался делать карьеру в Компании. Он говорил, что подписал контракт на шесть лет и не будет его проплевать, так как после возвращения с Мира Холмана хочет вернуться в университет. Он прилетел сюда в поисках впечатлений и ради престижа, который приобретал каждый, прошедший службу на чужих мирах. Потом, однако, политическая ситуация на Земле осложнилась, и Компания вынуждена была отказаться от прав на многие планеты, которые до этого колонизировала. Гандерсен, так же как и большинство из пятнадцати тысяч сотрудников Компании, согласился перейти на другую работу. Каллен, к удивлению Гандерсена, оказался среди горстки тех, кто изъявил желание остаться, несмотря на то что это означало разрыв всех связей с родиной. Гандерсен не расспрашивал его о причинах, о таких вещах не говорят. Но ему это казалось очень странным.

Сейчас Каллен возник в его памяти, как живой: он гонялся за жуками по Морю Песка, перепрыгивая с камня на камень. Действительно, большой мальчишка. Похоже, даже красота Моря Песка не производила на него особого впечатления. А ведь ни одна другая часть планеты не была столь необычна, столь эффектна: высохшее дно океана, по размерам больше Атлантики, покрытое толстым слоем кристаллических минеральных осадков, переливающихся в лучах солнца, как алмазы. Со станции в Файр-Пойнт видно было, как утренний свет возникает на востоке, словно огненная река, которая все расширялась, пока не начинала сиять вся пустыня. Весь день кристаллики поглощали энергию, которую излучали в течение ночи. Уже в сумерках начиналась сверкающая феерия, а после заката еще долгие часы виднелось пульсирующее пурпурное сияние. В этой почти лишенной жизни, но ошеломляюще прекрасной пустыне Компания добывала около десятка ценных металлов и тридцать видов драгоценных и полудрагоценных камней. В отдаленные районы отправлялись со станции автоматы и, безжалостно изрыв волшебный покров Моря Песка, возвращались с сокровищами.

Для чиновника Компании здесь было не слишком много работы – разве что вести учет все растущему в цене богатству и играть роль гостеприимного хозяина для туристских групп, которые приезжали сюда полюбоваться местными красотами. Гандерсену это успело страшно надоест, и даже ни с чем не сравнимая красота пейзажа начала его утомлять. Каллен же, для которого сверкающая пустыня была лишь помехой, полностью отдался своему увлечению и заполнял бутылку за бутылкой своими насекомыми. Интересно, думал Гандерсен, стоят ли

там все еще землеройные автоматы, ожидая команды возобновить работу? Если Компания не забрала их, покидая планету, они наверняка простоят там целую вечность, никому не нужные, среди огромных, выдолбленных ими ям. Машины прогрызали хрустальный слой до самого базальта, лежавшего под ним, и выплевывали большие кучи пустой породы и мусора. Вероятно, они там так и остались, как памятники деятельности Компании. Техника стоила дешево, а межпланетные перевозки были дороги, какой смысл забирать машины? «Еще через тысячу лет, – как-то раз сказал Гандерсен, – Море Песка будет полностью уничтожено, и останутся одни булыжники, если машины будут продолжать в том же темпе, что и сейчас». Каллен лишь пожал плечами и улыбнулся: «Ну и хорошо, не надо будет носить темные очки, когда исчезнет этот адский блеск». Потом насилие, совершавшееся над пустыней, закончилось, и машины встали. Каллен оказался в бегах, где-то в Стране Туманов, и его разыскивали за совершение преступления столь ужасного, что нилдоры не хотели даже его называть...

Глава седьмая

Когда утром они продолжили путь, Срин'гахар заговорил первым, что было на него не похоже.

– Расскажи мне о слонах, мой любезный попутчик. Как они выглядят? Как живут?

– Где ты слышал о слонах?

– Земляне в отеле говорили о них. Кое-что я слышал и раньше. Это земные существа, похожие на нилдоров, верно?

– В чем-то они действительно похожи, – согласился Гандерсен.

– Очень похожи?

– Во многом, – Гандерсен пожалел, что Срин'гахар не в состоянии понять рисунка. – Они большие и высокие, как ты, – объяснял он. – У них по четыре ноги, хвост и хобот. У них есть и бивни, но только два – один здесь, а другой здесь. А тут, – Гандерсен показал на гребень на голове Срин'гахара, – у них ничего нет. И кости у них не такие подвижные, как у тебя.

– Мне кажется, – сказал Срин'гахар, – что эти слоны очень похожи на нилдоров.

– Наверное, так.

– Ты можешь сказать, почему? Считаешь ли ты, что мы и слоны можем принадлежать к одному народу?

– Это невозможно, – запротестовал Гандерсен. – Это просто... э-э... он искал подходящее определение, поскольку словарь нилдоров не содержал терминов из области генетики. – Просто развитие жизни на разных мирах происходит подобным образом. Некоторые основные типы живых существ повторяются везде. Тип слона, тип нилдора – один из них. Большое тело, огромная голова, короткая шея, длинный хобот, который позволяет брать и перемещать предметы без необходимости нагибаться – подобные черты будут развиваться везде, где есть для этого благоприятные условия.

– Значит, ты видел слонов и на других мирах?

– На некоторых, – согласился Гандерсен. – Там есть существа, развитие которых шло подобным образом, хотя ближе всего друг к другу слоны и нилдоры. Я мог бы тебе назвать полдюжины других существ, некоторые черты которых указывают на принадлежность к одной и той же группе. Это относится и к иным формам жизни – насекомым, пресмыкающимся, мелким млекопитающим и так далее. В каждом мире есть определенные ниши, которые должны быть заполнены. Мысль Животворящей Силы всюду идет по одному и тому же пути.

– Где же в таком случае на Белзагоре существо, подобное человеку?

Гандерсен задумался.

– Я не говорил, что точные соответствия есть везде. Я думаю, что на вашей планете ближе всего к человеку сулидоры, но они не слишком близки ему.

– На Земле правят люди. Здесь сулидоры – низшая раса.

– Отклонение в развитии. Ваш г'ракх выше того, которым обладают сулидоры. На нашей планете вообще нет других видов, наделенных г'ракх. Однако между людьми и сулидорами есть большое физическое сходство. Они ходят на двух ногах, и мы тоже. Они едят мясо и плоды, мы тоже. Их лапы способны хватать, и наши руки тоже. Их глаза находятся в передней части головы, как и наши. Я знаю, что они крупнее, сильнее, покрыты шерстью и менее разумны, чем люди, но я хочу, чтобы ты понял, что на разных планетах развитие жизни идет подобным образом, хотя нет никаких родственных связей между...

– Откуда ты знаешь, что у слонов нет г'ракх? – спокойно перебил его Срин'гахар.

– Мы... они... это же ясно, что... – Гандерсен замолчал, чувствуя неловкость. Подумав, он осторожно сказал:

– Они никогда не проявляли никаких способностей, говорящих о наличии г'ракх. Они не ведут оседлой жизни, не имеют племенной структуры, никакой технологии, никакой религии, никакой культуры.

– Мы тоже не ведем оседлой жизни в селениях и не имеем технологии, заметил нилдор. – Мы бродим по джунглям и пожираем листья и молодые веточки. Я слышал, как о нас так говорили, и это правда.

– Но вы не такие. Вы...

– Почему мы не такие? Слоны тоже бродят по лесам, едят листья и молодые веточки, разве не так? Они не носят чужих шкур, не делают орудий. У них нет книг. Однако ты утверждаешь, что у нас есть г'ракх, и вместе с тем упрямо заявляешь, что у них его нет.

– Они не могут общаться друг с другом, – окончательно растерявшись, сказал Гандерсен. – Они могут сказать друг другу разве лишь о самых простых вещах – о пище, о спаривании, об опасности, и все. Если бы они владели настоящим языком, мы бы это давно обнаружили, а мы знаем лишь несколько основных звуков, которые они издают.

– Может быть, их речь столь сложна, что вы просто не можете ее понять, – предположил Срин'гахар.

– Сомневаюсь. Как только мы появились здесь, мы сразу поняли, что речь нилдоров – это язык, и смогли его изучить. Однако тысячи лет, в течение которых люди и слоны живут на одной и той же планете, мы никогда не замечали каких-либо признаков того, что они могут понимать и передавать друг другу отвлеченные понятия. А ведь в этом заключается сущность г'ракх. Ты согласен?

– Я повторяю свой вопрос. Что, если вы настолько ниже в развитии, чем ваши слоны, что просто не можете понять их?

– Ты хорошо сформулировал, Срин'гахар. Однако я не могу допустить, что подобное возможно в реальном мире. Если слоны обладают г'ракх, то почему за все время своего существования на Земле они не сумели чего-либо достичь? Почему человечество завладело всей планетой, а слоны сосредоточены на одной небольшой территории, и их, собственно, не так уж много осталось?

– Вы убиваете слонов?

– Теперь уже нет. Но было время, когда люди убивали слонов для развлечения, ради их мяса или чтобы добыть их бивни на украшения. Было также время, когда слонов использовали как вьючных животных. Если бы слоны имели г'ракх, то...

Внезапно он сообразил, что угодил в ловушку, расставленную Срин'гахаром.

– И здесь, – сказал нилдор, – местные «слоны» позволяли людям себя эксплуатировать. Правда, вы нас не ели и очень редко убивали, но часто принуждали работать. И, несмотря на это, вы признаете, что мы обладаем г'ракх.

– То, что мы делали на этой планете, – ответил Гандерсен, – было огромной ошибкой, и, когда мы это поняли, мы отказались от владения вашим миром и убрались отсюда. Но это вовсе не доказывает, что слоны – разумные существа, обладающие интеллектом. Это животные, Срин'гахар, обычные крупные животные, и ничего больше.

– Города и машины – не единственные достижения г'ракх.

– Где же в таком случае их духовные достижения? Что слон думает о природе Вселенной? Каково его мнение о Животворящей Силе? Как он определяет свое собственное место в обществе?

– Этого я не знаю, – согласился Срин'гахар. – Но и ты этого не знаешь, мой любезный попутчик, поскольку язык слонов тебе недоступен. Ты ошибаешься, если считаешь, что г'ракх отсутствует там, где ты не в состоянии его заметить.

– В таком случае, вполне возможно, что и малидары обладают г'ракх. И ядовитые змеи. И деревья, и лианы, и...

– Нет, – ответил Срин’гахар. – На этой планете только нилдоры и сулидоры имеют г’ракх. Мы знаем это – вне всякого сомнения. В вашем же мире не обязательно лишь одни люди должны быть разумны.

Гандерсен пришел к выводу, что продолжать дискуссию бессмысленно. Был ли Срин’гахар шовинистом, защищающим духовное превосходство «слонов» во всей Вселенной, или же намеренно занял крайнюю позицию, чтобы заставить его проявить человеческое высокомерие и тем самым показать моральную уязвимость земного империализма – этого Гандерсен не знал. Впрочем, это не имело значения. Он подумал о Гулливере, обсуждающем проблемы разума лошадей с гуигнгами.

– Придется мне с тобой согласиться, – вежливо сказал Гандерсен, хотя, может быть, я когда-нибудь привезу на Белзагор слона, и тогда ты мне скажешь, есть у него г’ракх или нет.

– Я встречу его как брата.

– Боюсь, тебя разочарует пустая голова твоего брата, – сказал Гандерсен. – Ты увидишь существо, внешнею напоминаящее тебя, но, боюсь, ты не обнаружишь у него души.

– Привези слона, мой любезный попутчик, а я уже сам разберусь, что у него в голове, – сказал Срин’гахар. – Но скажи мне еще одно, и я больше не буду тебе надоедать: когда твои собратья называют нас «слонами» – это потому, что они считают нас животными? Слоны – «обычные крупные животные», ведь так ты говорил? Люди с Земли считают нас именно такими?

– Они имеют в виду лишь внешнее сходство между нилдорами и слонами. Они говорят, что вы выглядите, как слоны.

– Хотелось бы мне в это верить, – заметил нилдор и замолчал, оставив Гандерсена наедине с чувством вины и стыда. В прежние времена у него не было привычки обсуждать проблемы разума с теми, на ком он ехал верхом. У него даже не возникало мысли о подобной возможности. Сейчас он ощущал, что Срин’гахар с трудом сдерживает негодование. Слоны – да, именно так Гандерсен рассматривал нилдоров. Может быть, разумные слоны. Но не более чем слоны.

Они молча двигались на север вдоль бурлящего потока. Около полудня они дошли до его источника – полукруглого озера, втиснувшегося между двумя цепями крутых холмов. Над озером вздымались клубы густого пара. В воде обитали теплолюбивые растения – розовые водоросли образовывали тонкую пленку на поверхности, а более толстые, голубовато-серые, спутанным ковром плавали на небольшой глубине.

Гандерсена заинтересовало озеро и его необычная растительность, он хотел взглянуть на него поближе, но не осмелился попросить Срин’гахара остановиться. Срин’гахар не только нес его, он был и его товарищем по путешествию, и если просто сказать: «Давай остановимся здесь на минутку», это могло лишь укрепить веру нилдора в то, что землянин все еще считает представителей его народа лишь выючными животными. Поэтому Гандерсен решил проехать мимо – в конце концов он не имеет права задерживать Срин’гахара на его пути к повторному рождению лишь затем, чтобы удовлетворить свое пустое любопытство.

Когда они приблизились к закруглению озера, с восточной стороны послышался страшный шум и треск ломающихся ветвей. Вся процессия нилдоров остановилась, чтобы посмотреть, что происходит. Гандерсену казалось, что еще немного, и из джунглей выскочит какой-нибудь охотящийся динозавр, по ошибке занесенный сюда из другого времени и пространства. Вместо этого из-за холмов выехала маленькая тупорылая машина, в которой он узнал гостиничный вездеход. Машина тащила на буксире примитивную платформу из неоструганных досок на больших колесах. На разболтанном, подпрыгивающем прицепе стояли четыре палатки, занимавшие большую его часть, а вокруг громоздились горы багажа. В задней части платформы, судорожно держась за ограждение и нервно оглядываясь по сторонам, сидели восемь туристов, которых Гандерсен видел два дня назад в отеле на побережье.

– Это твои соплеменники, – сказал Срин’гахар. – Наверное, ты хочешь с ними поговорить.

Честно говоря, в данный момент Гандерсену меньше всего хотелось встречаться с туристами. Он предпочел бы саранчу, скорпионов, ядовитых змей, тиранозавров, жаб – все что угодно, только не их. Он еще ощущал привкус таинственных ощущений, которые испытал среди нилдоров и природу которых вряд ли мог постичь, полностью забыв о всех земных делах, он ехал в страну повторных рождений, поглощенный вечными проблемами добра и зла, природы разума, отношения людей к другим существам и его отношения к собственному прошлому. Только что он пережил неприятную, даже болезненную встречу с ним, отвечая на якобы случайные, а на самом деле хорошо продуманные вопросы Срин’гахара о душе слонов. И вдруг ему снова предстояло оказаться среди пустых, примитивных людишек. Если он и успел приобрести какие-то индивидуальные черты в глазах своего спутника-нилдора, то они сразу же исчезнут, стоит ему присоединиться к группе ничем не выделяющихся землян. В глубине души он понимал, что туристы, по крайней мере некоторые, не столь уж вульгарны и примитивны, как ему казалось. Это были обычные люди, дружелюбные, не слишком умные и не слишком глупые, в меру состоятельные и, вероятно, в отношении их жизни на Земле их не в чем было упрекнуть. Но здесь они казались бумажными фигурками, поскольку не имели никакой внутренней связи с планетой, которую решили посетить, она им была абсолютно безразлична. Гандерсен не хотел, чтобы Срин’гахар изменил свое мнение и перестал относиться к нему лучше, чем к остальным землянам, прибывшим на Белзагор. Он боялся, что поток слов, изливаемых туристами, захлестнет его и смоет его превосходство над ними.

Вездеход, будто потратив на буксировку прицепа последние силы, остановился в полутора десятках метров от берега озера. Из него выбрался Ван Бенекер, еще более потрепанный и пропотевший, чем обычно.

– Все выходим, – крикнул он туристам. – Идем осматривать одно из знаменитых горячих озер.

Гандерсен подумал, не сказать ли Срин’гахару, чтобы он шел дальше. Четверо остальных нилдоров, удовлетворив свое любопытство, уже удалились к другому концу озера. Однако он решил немного подождать, зная, что пренебрежительное отношение к представителям его собственного вида не прибавит ему уважения в глазах Срин’гахара.

Ван Бенекер повернулся к Гандерсену.

– Доброе утро, сэр! – крикнул он. – Рад вас видеть! Как ваше путешествие?

Туристы выкарабкались из прицепа. Они выглядели и вели себя в точности так, как представлял Гандерсен: скучающие, уставшие, пресыщенные увиденными чудесами. Штейн, владелец ресторана с лучшими в мире улитками, проверил диафрагму своей камеры и профессионально сделал панорамную голограмму окружающей местности, но, когда снимок медленно выполз из щели в аппарате, он даже на него не взглянул – важен был процесс, а не сами снимки. Уотсон, врач, рассказывал Кристоферу, финансисту, какой-то анекдот, который давным-давно перестал быть смешным, а тот бессмысленно хихикал. Женщины, помятые, измученные пребыванием в джунглях, вовсе не обращали внимания на озеро. Две из них стояли, опершись на вездеход и ждали, когда им скажут, что именно они осматривают; две другие, заметив присутствие Гандерсена, поспешно достали из сумочек помаду.

– Я ненадолго, – заверил он Срин’гахара, спускаясь на землю.

Подошел Ван Бенекер.

– Ну и поездка, – со злостью сказал он. – Проклятая дорога! Впрочем, мне давно уже пора к этому привыкнуть. А как ваши дела, мистер Гандерсен?

– Не жалуюсь, – Гандерсен кивнул в сторону прицепа. – Где ты раздобыл такую колымагу?

– Мы соорудили ее года два назад, когда сломался грузовик. Теперь возим на ней туристов, когда не удается договориться с нилдорами.

– Она напоминает чудо техники восемнадцатого века.

– Видите ли, сэр, у нас осталось не слишком много современного оборудования. У нас нет ни вспомогательных механизмов, ни гидравлических роботов. Ну, а какая-нибудь доска и две пары колес всегда найдутся. Этого хватит.

– Что с теми нилдорами, которые привезли нас из космопорта в отель? Мне казалось, что они готовы были на тебя работать.

– Иногда хотят, иногда не хотят, – сказал Ван Бенекер. – На них невозможно рассчитывать. Мы не можем заставить их работать и не можем их нанять. Мы можем только вежливо попросить, а если они откажут, то ничего не поделаешь. Два дня назад они заявили, что какое-то время не смогут быть в нашем распоряжении, так что пришлось вытащить этот прицеп... – он понизил голос. – По-моему, все из-за этой восьмерки глупых обезьян, которые считают, что нилдоры не понимают по-английски и постоянно твердят: «Ах, как ужасно, что такую прекрасную и ценную планету нам пришлось отдать стаду слонов».

– Когда мы сюда летели, – заметил Гандерсен, – некоторые из них высказывались вполне либерально. По крайней мере двое решительно поддерживали передачу власти жителям планеты.

– Ну конечно. На Земле они наслушались всевозможных политических теорий: отдать колониальные миры долгое время угнетавшемуся местному населению и тому подобное. А теперь, здесь, они вдруг пришли к выводу, что нилдоры вовсе не «местное население», а просто животные, забавные слоны, и все-таки нам стоило бы оставить эту планету себе, – Ван Бенекер сплюнул. – А нилдоры все это слышат. Они притворяются, что не знают языка, но они его знают, мне хорошо известно, что знают. Стоит ли ожидать, что таких людей они захотят возить на спине?

– Понимаю, – ответил Гандерсен.

Он взглянул на туристов, которые, вытаращив глаза, смотрели на Срин'гахара, обгладывавшего неподалеку молодые побеги. Уотсон толкнул в бок Мирафлореса, а тот сжал губы и осуждающе покачал головой. Гандерсен не слышал, о чем те говорили, но догадывался, что они обсуждают прозорливость Срин'гахара. Ну какие цивилизованные существа могут доставать себе пищу хоботом с дерева?

– Останетесь пообедать с нами, мистер Гандерсен? – спросил Ван Бенекер.

– Спасибо за приглашение, – ответил Гандерсен. Он присел в тени, а Ван Бенекер собрал своих подопечных и повел их к берегу дымящегося озера. Гандерсен спокойно встал и присоединился к группе. Он начал слушать, что говорил гид, но сосредоточиться не удавалось.

«Зона высоких температур... выше 70 градусов по Цельсию... в некоторых местах выше, даже выше температуры кипения, однако там существуют живые организмы... особая генетическая приспособляемость... мы называем их теплолюбивыми... ДНК не сворачивается, но процент спонтанных мутаций очень высок, виды изменяются в невероятном темпе... энзимы сопротивляются теплу... поместите организмы из озера в холодную воду, и они замерзнут в течение минуты... жизненные процессы идут крайне быстро... развернутые и денатурированные белки могут также функционировать в подобных условиях... замкнутая система, не связанная с остальной частью планеты... температурный градиент... количественный анализ... знаменитый биолог-кинетик, доктор Брук... постоянное термическое разрушение чувствительных молекул... непрерывный ресинтез...»

Срин'гахар все еще набивал брюхо веточками. Гандерсену казалось, что нилдор ест намного больше, чем обычно в это время дня. Звуки обрываемых веток и жующих челюстей Срин'гахара смешивались с монотонной наукообразной речью Ван Бенекера.

Отцепив от пояса автоматический сачок, Ван Бенекер начал вылавливать образцы озерной фауны, чтобы продемонстрировать их своей группе. Он покрутил верньеры на рукоятке сачка, устанавливая массу и размеры желаемой добычи, сетка, закрепленная на конце растя-

гивающейся почти до бесконечности металлической спирали, двигалась вперед и назад под поверхностью озера, охотясь за организмами с заданными параметрами. Когда датчики сообщили о присутствии живой материи, отверстие сетки раскрылось и тут же быстро захлопнулось. Ван Бенекер вытащил ее, доставив на берег какого-то несчастного пленника.

На берегу оказывалось одно озерное животное за другим – красные, словно вареные, но живые и сердито сопротивляющиеся. Появилась панцирная рыба, заключенная в блестящие пластины, украшенные фантастическим орнаментом. За ней последовало подушкообразное существо с длинным заостренным хвостом и злыми глазами на стебельках, а за ним – нечто, выглядевшее как один огромный коготь с крошечным рудиментарным телом. Среди гротескной добычи Ван Бенекера не было двух одинаковых созданий. Высокая температура озера, повторил он, вызывает постоянные мутации. Он снова отбарабанил все свое генетическое объяснение, в то же время бросая очередное маленькое чудовище обратно в горячую воду и протягивая руку за следующим.

Туристы не задавали никаких вопросов, терпеливо ожидая, когда гид закончит показывать им забавную живность и повезет их куда-нибудь еще. Гандерсен, которому никогда прежде не представлялась возможность познакомиться с обитателями одного из высокотемпературных озер, был благодарен Ван Бенекеру за эту демонстрацию, но зрелище трепещущих пойманных животных быстро ему наскучило, и он решил отправиться дальше.

Гандерсен огляделся по сторонам и обнаружил, что Срин'гахара поблизости нет.

– На этот раз перед нами, – говорил Ван Бенекер, – самое опасное животное в озере, которое мы называем акулой-лезвием. Кстати, такой я до сих пор не встречал. Видите эти маленькие рожки? Что-то новенькое. И эта штука вроде фонаря на голове, которая то вспыхивает, то гаснет? – В сетке извивалось темно-красное существо длиной около метра. Вся его нижняя часть, от носа до хвоста, откидывалась вниз, образуя гигантскую пасть, усаженную сотнями острых, как иглы, зубов. Когда пасть открывалась и закрывалась, казалось, что все животное распадается пополам и снова соединяется. – Эта тварь жрет все подряд, включая добычу втрое крупнее ее, – сказал Ван Бенекер. – Как вы видите, она очень злая и дикая, и...

Обеспокоенный, Гандерсен отошел от берега, чтобы поискать Срин'гахара. Он нашел место, где кормился нилдор: на нижних ветвях многих деревьев кора была ободрана. След нилдора вел в глубь джунглей. Его охватил страх при мысли о том, что Срин'гахар спокойно ушел и бросил его.

Придется прервать путешествие. Он не осмелится отправиться в одиночку, пешком, по этому дикому бездорожью. Он попросит Ван Бенекера отвезти его обратно, в какое-нибудь стойбище нилдоров, где, может быть, удастся снова договориться о путешествии в Страну Туманов.

Группа туристов возвращалась с озера. Ван Бенекер шел с сеткой, переброшенной через плечо, а в ней шевелились какие-то выловленные из воды существа.

– Обед, – сообщил он. – Я поймал несколько крабов. Вы голодны?

Гандерсен вымученно улыбнулся. Он наблюдал, вовсе не испытывая голода, как Ван Бенекер открыл сетку и высыпал десяток овальных, пурпурных существ, разной внешности и величины. Они кругами ползали по земле, явно ошеломленные относительно холодным воздухом, от них поднимался пар. Ван Бенекер ловко перебил им хребты заостренной палкой и поджарил с помощью лучемета. Потом он вскрыл панцири, и показалось белое, дрожащее, как студень, мясо. Три женщины поморщились и отвернулись. Только миссис Мирафлорес взяла краба и стала с аппетитом есть. Похоже, мужчинам они тоже пришлись по вкусу. Гандерсен жевал студень и время от времени поглядывал в лес – не появится ли Срин'гахар. До него долетали обрывки разговора:

– ...огромные потенциальные доходы, и все впустую, просто впустую...

– ...если даже и так, то наша обязанность – поддерживать движение к самоопределению на каждой планете, которая...

– ...но разве они люди...

– ...а где душа? Это единственный способ признать, что...

– ...слоны, всего лишь слоны. Видели, как они обглаживали деревья...

– ...передать им власть, что было ошибкой, она привела меньшинство, руководствовавшееся чувствами...

– Ты чересчур строг, дорогой. Действительно, на некоторых планетах были злоупотребления, но...

– ...глупый политический оппортунизм, так бы я это назвал. Слепые ведут слепых...

– ...умеют писать? Умеют думать? Даже в Африке мы имели дело с людьми, но и там...

– ...душа, внутренний мир...

– ...кучи пурпурного дерьма на пляже...

– У нилдоров есть душа. Я в этом нисколько не сомневаюсь, – заявил Гандерсен, сам удивляясь тому, что включился в разговор.

Туристы повернулись к нему. Внезапно наступила тишина.

– У них есть религиозные верования, – продолжал он, – а ведь именно с этим связывается существование духа, души, верно?

– Какая у них религия? – поинтересовался Мирафлорес.

– Я точно не знаю. Но одна из важных ее составляющих – танец экстаза, нечто вроде подпрыгиваний и кружения на месте, который вызывает некие мистические ощущения. Я знаю. Я танцевал с ними. Мне удалось познать по крайней мере часть этих ощущений. Кроме того, у них есть нечто, называемое повторным рождением. По-видимому, это кульминация их обрядов. Я сам этого не понимаю. Они идут на север, в Страну Туманов, и там с ними что-то происходит. Что именно – они хранят в тайне. Возможно, сулидоры что-то им дают – может быть, какой-то наркотик, – что омолаживает их внутренне и позволяет как бы очиститься. Вам понятно?

Говоря это, он почти машинально принялся за несъеденных крабов.

– Я могу только сказать, – продолжал он, – что повторное рождение жизненно важно для нилдоров и что положение индивидуума в племенной структуре зависит от количества повторных рождений. Все это доказывает, что они не животные. Они живут в обществе и имеют культуру, хотя нам и трудно ее понять.

– Почему у них в таком случае нет цивилизации? – спросил Уотсон.

– Я же только что сказал, что есть.

– Я имею в виду города, машины, книги...

– Они не приспособлены физически к тому, чтобы писать, строить разные объекты и вообще совершать технические операции, – ответил Гандерсен. Разве вы не видите, что у них нет рук? Раса, имеющая руки, создает один вид цивилизации, а раса, подобная слонам, – другой.

Гандерсен был весь в поту, и вдруг ощутил страшный голод. Он заметил, что женщины как-то странно на него смотрят, и понял, почему: сам того не замечая, он запихивал в рот все, что можно было съесть. Ему казалось, что у него лопнет череп, если он сейчас же не сбросит бремя тяжелой вины, которое давило на его душу и заставляло высказаться. Не важно, что именно эти люди менее всего подходили для того, чтобы перед ними исповедоваться. Он не в силах был контролировать свои слова.

– Когда я прилетел сюда, – говорил он, – я был таким же, как вы. Я недооценивал нилдоров и потому совершил тяжкий грех, в котором должен вам сознаться. Как известно, некоторое время я был управляющим округом, и в мои обязанности входило использование местной рабочей силы. Поскольку мы не вполне сознавали, что нилдоры – разумные, самостоятельные

существа, мы использовали их, принуждали к тяжелой работе на стройках, заставляли поднимать хоботом балки и вообще выполнять любую тяжелую физическую работу. Мы относились к ним, как к машинам.

Гандерсен закрыл глаза и почувствовал, как на него неумолимо валится его прошлое, как его обволакивает черная туча воспоминаний.

– Нилдоры позволяли нам использовать их. Почему – одному Богу известно. Думаю, мы были тем крестом, благодаря которому их раса должна была пройти очищение. Однажды прорвало плотину в районе Монро, на севере, недалеко от границы Страны Туманов, и всем плантациям грозило затопление, что повлекло бы миллионные убытки для Компании. Под угрозой оказались также электростанция в том районе и административные здания, и, можно сказать, если бы мы не среагировали достаточно быстро, все наши инвестиции на севере пошли бы псу под хвост. Я отвечал за всю операцию. Мы уже послали туда всех наших роботов, но этого было недостаточно, поэтому пришлось привлечь и нилдоров. Мы согнали их всех, из каждого уголка джунглей, мы работали день и ночь, валясь с ног от усталости. Мы справились с наводнением, но опасность еще не миновала. Утром на шестой день я поехал проверить, выдержит ли плотина, и увидел семерых нилдоров, которых до сих пор не встречал – они шли по тропе на север. Я приказал им следовать за мной. Они очень вежливо отказались и сообщили, что идут в Страну Туманов на церемонию повторного рождения и не могут задерживаться. Повторного рождения? А какое мне было дело до их повторного рождения?! Я не собирался принимать эту отговорку, особенно перед угрозой наводнения. Не раздумывая, я приказал им – пусть приступают к работе на плотине, или я разберусь с ними на месте. Повторное рождение может подождать, сказал я. Возродитесь в другой раз. Положение серьезное. Они опустили головы и погрузили концы хоботов в песок – это у них признак большого горя. Один из них сказал, что они очень мне сочувствуют. Я разъярился и сообщил им, что они могут сделать со своим сочувствием. И вообще, по какому праву они мне сочувствуют? Я достал лучемер, – продолжил он. – Ну, вперед, пошли! Вы нужны для работы. Их большие глаза с сожалением смотрели на меня. Хоботы в песке. Двое или трое отозвались, что им очень жаль, но сейчас они не могут на меня работать, что прервать путешествие для них невозможно, они предпочтут скорее умереть. Они не хотели меня унижить своим отказом, но я был в бешенстве и решил, что они мне за это заплатят. Я уже хотел было поджарить одного для острастки, но сдержался. Я спросил сам себя – что я, черт побери, хочу сделать, а нилдоры ждали, и мои сотрудники наблюдали за мной, и другие нилдоры тоже смотрели. Я снова поднял лучемер, чтобы убить одного из них, того, который так мне сочувствовал, надеясь, что это научит других уму-разуму. А они ждали. Ну как можно сжечь семерых паломников, даже если они отказываются выполнять приказ шефа округа? С другой стороны, мог пострадать мой авторитет. Я нажал на спуск и прошелся лучом ему по хребту – прижег не слишком глубоко, только шкуру. Нилдор стоял неподвижно, а ведь еще мгновение, и я мог бы сжечь его дотла. И таким образом я перечеркнул себя в их глазах, поскольку применил силу. Этого они и ждали. Два нилдора, выглядевшие старше других, сказали, чтобы я прекратил, что они подумают и посоветуются. Я опустил лучемер, а они отошли в сторону, чтобы провести свое совещание.

Нилдор, которого я прижег, немного хромал и выглядел жалко, хотя и был ранен не столь тяжело, как я. Тот, кто ранит, может страдать намного сильнее, чем его жертва, вы знаете об этом? Наконец нилдоры согласились выполнить мой приказ. Вместо того чтобы идти на север, на повторное рождение, они пошли работать к плотине, даже тот, раненый. Через девять дней вода начала спадать, электростанция и плантации были спасены, и все мы жили счастливо долгие годы.

Гандерсен закончил свой рассказ и понял, что не может больше смотреть на этих людей. Он поднял панцирь последнего краба и взглянул, не осталось ли еще хоть немного студня. Он чувствовал себя истощенным, раздавленным. Царила тишина, и казалось, что она бесконечна.

– Ну и что потом? – спросила миссис Кристофер.

Гандерсен посмотрел на нее, прищурившись. Он думал, что уже все сказал.

– Ничего, – ответил он. – Вода спала.

– Но в чем смысл этой истории?

Ему хотелось швырнуть панцирь краба в ее улыбающуюся физиономию.

– Смысл? – спросил он. – Смысл? Но... – у него закружилась голова. – Семь разумных существ шли исполнить священный обряд своей веры, а я под угрозой применения оружия заставил их работать над ремонтом сооружений, которые не имели для них ни малейшего значения. И они пошли и таскали бревна. Разве этого недостаточно? Кто из нас был выше духовно? Во что превращается человек, если относится к разумному, самостоятельному существу, как к скотине?

– Но это была крайняя необходимость, – заметил Уотсон. – Вам требовалась любая помощь, какую вы могли найти. В такой ситуации обо всем остальном следует забыть. Они опоздали на девять дней на свое повторное рождение. Ну и что?

– Нилдор спешит возродиться лишь тогда, когда приходит его время, сдавленно сказал Гандерсен, – а я не могу сказать, когда это бывает. Может быть, это зависит от звезд, может быть, от положения спутников. Нилдор должен прибыть на место повторного рождения в определенное время. Если ему это не удастся, он не сможет возродиться. Те семеро нилдоров уже опаздывали, так как проливные дожди размыли дороги на юге, а когда еще я задержал их на девять дней, стало окончательно поздно. Когда завершились работы на строительстве плотины, они просто вернулись на юг, к своему племени. Я не знал почему. Только потом я понял, что они потеряли шанс на повторное рождение и им придется ждать десять, а может быть, двадцать лет, чтобы отправиться туда снова. А может быть, следующего такого шанса у них уже никогда не будет.

Гандерсену не хотелось больше говорить. В горле у него пересохло, в висках пульсировало. Самый лучший способ очиститься, подумал он, нырнуть в кипящее озеро. Он встал и в тот же момент заметил, что Срин'гахар вернулся и стоит неподвижно в нескольких сотнях метров от него, под раскидистым деревом.

– Смысл в том, – повернулся Гандерсен к туристам, – что у нилдоров есть религия и есть душа и к ним следует относиться, как к людям. И если право на самоопределение вообще признается, то нельзя не признавать его и на этой планете. Смысл в том, что, когда земляне вступают в контакт с другими видами, обычно лишь с огромным трудом удается добиться взаимопонимания. И еще я хочу добавить, что меня не удивляет ваше отношение к нилдорам, поскольку я сам думал о них подобным же образом, а изменил свое мнение лишь тогда, когда это, собственно, уже не имело значения. Но и в то время я еще не сделал достаточно глубоких выводов, которые изменили бы мою позицию. Это одна из причин, по которым я вернулся на эту планету. А теперь прошу меня извинить – мне пора, – и он поспешно ушел прочь.

– Можно идти, – сказал он Срин'гахару. Нилдор опустился на колени. Гандерсен взобрался ему на спину.

– Куда ты ушел? – спросил землянин. – Я волновался – куда ты исчез.

– Я решил, что должен оставить тебя наедине с твоими друзьями, ответил Срин'гахар. – Зачем волноваться? Я ведь обязался безопасно доставить тебя в Страну Туманов.

Глава восьмая

Пейзаж изменился. Экваториальные джунгли остались позади; дорога в Страну Туманов поднималась на взгорье. Здесь еще царил тропический климат, но влажность воздуха была уже не столь высока – атмосфера, вместо того чтобы постоянно удерживать влагу в своих цепких объятиях, время от времени высвобождала ее в виде дождя, после которого воздух становился чистым и легким, пока его влажность вновь не поднималась до прежнего уровня. Растительность тоже была другой: угловатая, шершавая, с острыми, как бритва, листьями. Листва многих деревьев светилась, озаряя ночной лес холодным сиянием. Здесь было меньше лиан, а кроны деревьев уже не создавали непрерывного полога, задерживавшего большую часть солнечного света, его лучи падали на лесную подстилку, а местами открывались большие освещенные пространства и лужайки. Почва, омытая частыми дождями, имела бледно-желтый оттенок, в отличие от черной земли в джунглях. В кустах часто пробегали мелкие животные. Медленно проползали похожие на слизняков создания, сине-зеленые с черными мантиями, Гандерсен узнал в них подвижные высокогорные грибы – растения, которые перемещались с места на место в поисках упавших веток или разбитого молнией ствола дерева. И нилдоры, и люди считали их деликатесом.

Вечером третьего дня пути на север от кипящего озера Срин'гахар и Гандерсен нагнали четырех нилдоров, которые ушли вперед. Они расположились у подножия крутого, неровного холма и пробыли там уже по крайней мере целый день, судя по объеденным листьям и веточкам окрестных деревьев. Их хоботы и пасти, измазанные светящимся соком, ярко сияли. Вместе с ними был огромный сулидор – такого крупного Гандерсен до сих пор не видел. Сулидор был почти вдвое выше человеческого роста и стоял, выпрямившись, возле большого камня, поросшего диким мхом, широко расставив ноги и опираясь на мускулистый хвост. Узкие глаза, прикрытые тяжелыми веками, взглянули на Гандерсена. Длинные лапы с кривыми когтями свободно свисали вдоль туловища. мех сулидора, цвета старой бронзы, был необычно густым.

Одна из кандидаток на возрождение, самка по имени Луу'хамин, обратилась к Гандерсену.

– Этого сулидора зовут На-синисул, – сказала она. – Он хочет с тобой поговорить.

– Так пусть говорит.

– Я хочу, чтобы ты сначала знал, что он не простой сулидор. Он один из тех, кто руководит церемонией повторного рождения, и мы снова встретим его, когда дойдем до Страны Туманов. Он принадлежит к верхушке племени, и к его словам следует относиться серьезно. Ты будешь иметь это в виду, слушая его?

– Буду. Я всегда отношусь серьезно к чьим бы то ни было словам, но, конечно, его слова выслушаю с особым вниманием. Пусть говорит.

Сулидор подошел ближе и снова остановился, глубоко погрузив ноги в размокшую землю. Он говорил на языке нилдоров с северным акцентом, хрипло и медленно.

– Я отправился в путь, чтобы побывать на Море Песка, – сообщил он, – и теперь возвращаюсь в свою страну, где буду помогать нилдорам готовиться к повторному рождению. Здесь я оказался чисто случайно. Ты понимаешь, что мое присутствие здесь никак не связано ни с тобой, ни с твоими спутниками?

– Да, понимаю, – ответил Гандерсен, удивленный словами сулидора. До сих пор он знал сулидоров лишь как темных, диких созданий, тайком пробирающихся сквозь заросли.

– Когда я вчера проходил неподалеку, – продолжал На-синисул, – я случайно наткнулся на место, где находился пункт вашей Компании. Я случайно заглянул внутрь, хотя меня там ничего не интересовало, и обнаружил там двух землян, но их тела им уже не служили. Они не могли двигаться и с большим трудом говорили. Они умоляли меня помочь им покинуть этот

мир, но я не мог, конечно, взять на себя такую ответственность. Поэтому я прошу, чтобы ты пошел туда со мной и отдал соответствующее распоряжение. Я не пробуду здесь долго, так что это нужно сделать прямо сейчас.

– Это далеко?

– Мы успеем дойти туда до восхода третьей луны.

– Что-то я не помню, чтобы поблизости была станция Компании, – сказал Гандерсен Срин'гахару. – Какая-то была, но это в двух днях пути отсюда, так что...

– Это то место, где собирали съедобные ползающие существа и отправляли их вниз по реке, – объяснил нилдор.

– Здесь? – пожал плечами Гандерсен. – Наверное, я снова потерял ориентацию. Ладно. Пошли.

Сулидор быстро шагал через светящийся лес, а Гандерсен спешил за ним следом на спине Срин'гахара. Они спускались в долину, становилось все более душно и сумрачно. Пейзаж тоже изменился; корни деревьев выпирали из земли, как огромные костлявые локти, и тонкие усики, росшие из корней, испускали неприятное зеленое свечение. Почва была сыпучей и каменистой; Гандерсен слышал, как она скрипит под ногами Срин'гахара. На многих корнях сидели похожие на птиц существа, напоминавшие сов, лишенных какого бы то ни было цвета, некоторые из них были черными, некоторые белыми, а некоторые белые с черными пятнами, или наоборот. Он не мог сказать, действительно ли это их истинная окраска или просто иллюзия отсутствия цвета, вызванная свечением растительности. От бледных цветов-паразитов, свисавших со стволов деревьев, шел тошнотворный запах.

Под уступом голой, выветрившейся желтой скалы возвышалось то, что осталось от станции Компании. Здание казалось еще более разрушенным, чем биостанция на юге; купол крыши провалился, и стены были покрыты растительностью. Гандерсен спешил и остановился у входа, ожидая сулидора. Пошел теплый, приятный дождь. Запах леса сразу же изменился: вместо резкого и пронзительного он стал сладковатым. Однако это была сладость гниения.

– Земляне внутри, – сказал На-синисул. – Можешь войти. Я подожду твоих распоряжений.

Гандерсен вошел в здание. Воздух был затхлым, смрадным и насыщенным влагой. Он подумал о том, сколько микроорганизмов попадает в его легкие с каждым вдохом. Слышался громкий звук тяжелых капель на фоне шума дождя, падающего сквозь дырявую крышу. Он решил осветить помещение лучом, и тут же что-то хлестнуло его по лицу и затрепыхалось – какое-то существо, привлеченное теплом и светом. Гандерсен отогнал его. На пальцах осталась липкая слизь.

Где земляне?

Он осторожно обошел здание. Он помнил его весьма смутно – одну из бесчисленных станций в джунглях, которые Компания когда-то разбросала по всему Миру Холмана. Плиты пола разошлись и покоробились, и приходилось все время смотреть под ноги, чтобы не споткнуться. Везде ползали подвижные грибы, поглощая пленку, покрывавшую всю внутреннюю поверхность здания, и оставляя за собой узкие блестящие следы. Гандерсен старался не наступать на них, но ему не всегда это удавалось. Он подошел к месту, где здание расширялось, и из него был выход наружу; он осветил лучом и увидел почерневший причал на берегу реки. Да, вспомнил он. Здесь упаковывали грибы, грузили их на баржи и отправляли вниз по реке на рынок. Но баржи Компании больше здесь не останавливались, и вкусные слизняки теперь безбоязненно ползали по остаткам мебели и оборудования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.